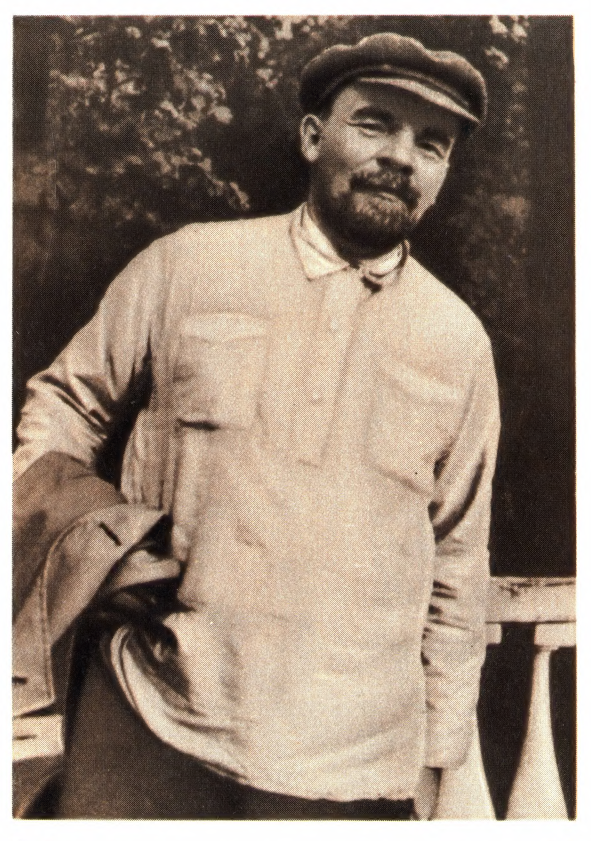
ЧЕРТЫ НЕЗАБЫВАЕМОГО ОБРАЗА

Из воспоминаний о В.И.Ленине

ЧЕРТЫ НЕЗАБЫВАЕМОГО ОБРАЗА

Из воспоминаний о В.И.Ленине

(1917—1924)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва́ · 1973

Литературная запись журналиста,
кандидата исторических наук
Н. Д. КОСТИНА

Черты незабываемого образа. Из воспоминаний
Ч-50 о В. И. Ленине (1917—1924). М., Политиздат, 1973.

111 с. с илл.

Авторы этих воспоминаний о В. И. Ленине — люди разных профессий: шоферы, телефонистки, медицинские сестры и другие. Все они встречались с Владимиром Ильичем, разговаривали с ним, выполняли его поручения. Каждый из них рассказывает о том, что сам видел, слышал, пережил и запомнил на всю жизнь, запомнил неповторимые черты великого человека, вождя, товарища и друга всех трудящихся.

Книга рассчитана на массового читателя.

$Ч \frac{0113-281}{079(02)-73} 111-73$ **3К26**

ЖИВЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

Эта книга — многолетний поиск, запись и обработка новых или малоизвестных воспоминаний о жизни, деятельности и борьбе В. И. Ленина. Рассказывают скромные люди — шоферы, телефонистки, медицинские сестры и другие. Жизнь подарила им великое счастье — встречаться с Владимиром Ильичем, выполнять его поручения и своей преданностью, честным отношением к труду по мере сил и возможностей помогать ему в работе.

Воспоминания товарищей, данные в литературной записи Н. Д. Костина, просты и правдивы. Они раскрывают то, что запечатлелось в их памяти навсегда.

Читатель встретится с Лениным в дни Октября в Смольном, а затем в Москве, в Кремле, в Горках, в Костине и Корзинкине, на некоторых съездах партии и Советов, на митингах и собраниях трудящихся столицы и ее окрестностей, на охоте...

К воспоминаниям телефонисток, обслуживавших В. И. Ленина, членов ЦК партии и правительства, необходимо дать такое пояснение. Первое время Владимир Ильич не имел в кабинете междугородного телефона и приходил в специальную будку для переговоров со штабами фронтов, Петроградом и другими городами страны. В особо острые и тревожные моменты сюда приходили вместе с Лениным народные комиссары, ответственные партийные и советские работники. Нередко здесь велись секретные разговоры. Впоследствии в кабинете Ленина были установлены все необходимые ему телефоны, и жизнь будки пошла спокойнее, но связь через нее не прерывалась.

В публикуемых воспоминаниях читатель заметит характерную черту Владимира Ильича — немедленную реакцию на каждый случай, когда требовалось исправить какой-нибудь недостаток, и стремление, не откладывая, прийти на помощь товарищу, не остаться равнодушным наблюдателем.

Страницы книги помогут в какой-то мере понять методы работы Ленина на посту Председателя Совнаркома, увидеть и проследить его будничную жизнь — жизнь вождя и человека, товарища и друга всех трудящихся.

Все дальше и дальше уходит время, в котором жил, творил и работал основатель и руководитель Коммунистической партии и Советского государства. Все меньше остается людей, лично знавших Ленина или встречавшихся с ним. И потому труднее становится поиск новых воспоминаний, помогающих глубже понять сложный и обаятельный духовный облик Владимира Ильича, который был и остается прообразом человека коммунистического общества.

В. И. Ленин боролся за счастливую жизнь трудящихся по законам высокой революционной справедливости. Его мысль, по образному выражению Горького, точно стрелка компаса, всегда обращалась острием в сторону классовых интересов пролетариата.

По крупицам собирались публикуемые здесь воспоминания. Как живые свидетельства современников Ленина, они, несомненно, могут быть использованы в благородном деле коммунистического воспитания советских людей, нашей молодежи.

Л. А. ФОТИЕВА,
член КПСС с 1904 года,
Герой Социалистического Труда

ГРАНИ АЛМАЗА

...Владимир Ильич, будучи нашим руководителем, вместе с тем всегда был для нас самым близким другом, к которому мы могли прийти со всякой своей бедой, со всяким недоумением, с любым вопросом, не только политическим, но и своим, личным.

Е. Д. СТАСОВА

А. Ф. КРУЛЕВ

НА КРУТОМ ПОВОРОТЕ

Александр Федорович Крулев родился в Калуге. Образование до революции — четыре класса церковно-приходской школы. Учебу продолжил в годы Советской власти. Окончил Электромеханический институт. На пенсию ушел с должности старшего инженера одного из научно-исследовательских учреждений Академии наук СССР.

Трудиться Александр Федорович начал с двенадцатилетнего возраста. В 1906 году, будучи солдатом, получил свидетельство военного шофера. В марте 1917-го его назначили водителем автомобиля на автобазу Временного правительства, где вскоре он был избран председателем комитета шоферов и ремонтных рабочих.

Впервые я увидел В. И. Ленина, когда он выступал с балкона особняка Кшесинской.

Как только Владимир Ильич появился на балконе, многоголосая толпа, затопившая всю площадь, затихла. С минуту он молчал, видимо собираясь с мыслями, а потом заговорил...

Слушал я вождя партии большевиков, и вся жизнь моя будто прошла перед глазами: отец умер рано, мать работала прачкой, прислугой. Из последних сил старалась, чтобы я учился. Как мог, помогал ей. Нанимался в пастухи, гнул спину на хозяина мастерских. Потом царская армия — грубость и унижения, офицерские зуботычины. Беспросветная жизнь солдата была хорошо знакома мне.

И вот Ленин поднимает трудовой люд на революцию...

Никакие внешние черты Владимира Ильича мне тогда не запомнились. Но его страстность, взволнованность, уверенная речь, твердый голос произвели огромное впечатление. Я был полностью увлечен содержа-

нием ленинского выступления. Он говорил о текущем моменте, о новых задачах рабочего класса и его партии. Предупреждал трудящиеся массы не поддаваться настроениям благодушия и самоуспокоенности, призывал к единству действий, к укреплению союза рабочих и крестьян.

Особенно воодушевили меня, как и всех, слова Ленина о том, что русские революционные пролетарии, солдаты и матросы, сумевшие освободить Россию от царского деспотизма, сделают все, чтобы освободить ее от помещиков и капиталистов. Новое правительство, говорил Ленин, служит буржуазии, защищает ее интересы, оно не дает народным массам ни мира, ни земли, ни хлеба.

Поражала меня простота, логичность и ясность речи Ленина, ее правдивость и вера в силу и разум людей труда.

Вспоминаются октябрьские дни 1917 года — канун вооруженного восстания.

23 октября (5 ноября) я поехал в Смольный к члену петроградского Военно-революционного комитета А. Д. Садовскому. Рассказал о боевом настроении шоферов и ремонтников автобазы, спросил, что нам конкретно делать в случае восстания в Петрограде.

— Сохранить автомобили, используя их в интересах революции,— ответил Садовский.— Дни Временного правительства сочтены.

Из Смольного вернулся на Конюшенную площадь. Здесь в бывших царских конюшнях, примерно в 200 метрах от Зимнего дворца, располагались наши гаражи, в которых находились 62 автомашины. От товарищей узнал: поступило распоряжение, чтобы шоферы 24 октября к 10 часам утра подали автомобили к квартирам министров Временного правительства.

В назначенное время шоферы отвезли министров в Зимний дворец.

Утром в тот же день управление автобазой Временного правительства взял в свои руки выборный рабочий комитет. Комитет постановил, что без разрешения его председателя ни одну машину из гаража не выпускать.

Между тем по телефону нам сообщили, что Зимний покинул военный министр. Вскоре диспетчер положил

передо мной телефонограмму: «Господам министрам подать автомобили к Зимнему дворцу».

Тут же принимаем решение: машины не подавать. И диспетчер телефонировал в Зимний: «Революционный выборный комитет автобазы в подаче машин министрам отказал».

Шоферы единодушно поддержали постановление комитета. Министры остались в Зимнем без средств передвижения.

А утром 25 октября (7 ноября) я доложил в Смольный, что все 62 автомобиля находятся в полной сохранности и передаются в распоряжение Военно-революционного комитета (ВРК).

Принимавший от меня доклад А. Д. Садовский поручил нашему комитету выделить в распоряжение секретаря Совнаркома Н. П. Горбунова пять автомобилей для обслуживания Смольного. На другой день в 10 часов утра я прибыл в Смольный вместе с первыми пятью машинами. Шоферы сразу же стали выполнять задания ВРК.

В эти памятные дни мне довелось близко увидеть Владимира Ильича Ленина. Он шел по коридору первого этажа Смольного. Шел быстро. Ему охотно уступали дорогу солдаты, матросы и красногвардейцы. Все его радостно и восторженно приветствовали. Поприветствовал и я. Владимир Ильич, улыбаясь, ответил просто — поднял руку.

В Смольном по указанию Горбунова я организовал и возглавил диспетчерский пункт. Через пять дней меня заменил на этом посту солдат Твердунов. По рекомендации нашего комитета заведующим гаражом был выдвинут Павлов.

Рабочему комитету автобазы был передан список членов ЦК партии, Советского правительства, которых мы должны обслуживать в первую очередь. Для Ленина выделили самых опытных, надежных и проверенных товарищей, преданных революции.

Особенно запомнился мне день 1 января 1918 года. Позвонили из Смольного, требовалась автомашина.

Вызвал диспетчера и, посоветовавшись с ним, направил к Смольному машину с шофером Тарасом Митрофановичем Гороховиком.

Из поездки Тарас Гороховик вернулся в гараж с про-

битыми пулями кузовом, задними крыльями и передним смотровым стеклом. Поврежденный автомобиль окружили шоферы. Спросили у взволнованного Тараса: что произошло?

— Контрики обстреляли у Михайловского манежа,— ответил шофер.— Покушение на Ленина.

На другой день в моей рабочей комнате раздался телефонный звонок. По поручению Ленина говорил Горбунов. Он справился о здоровье Гороховика, передал, что Владимир Ильич поздравляет всех шоферов правительственного гаража с Новым годом.

Весть о звонке из Смольного разнеслась молниеносно. О ленинской чуткости, о внимании к нуждам трудящихся говорилось в те дни много. Знали и мы об этих качествах Владимира Ильича. И все же были глубоко тронуты: не забыл Ленин о простом человеке в обстановке неотложных государственных и партийных дел, в калейдоскопе бурных революционных событий.

В ночь на 11 марта 1918 года Центральный Комитет партии и Совнарком во главе с Лениным переехали в Москву. Специальным поездом сюда были доставлены и совнаркомовские автомобили. Как комендант этого поезда, я обеспечивал его охрану в пути следования. Вместе со своими машинами прибыли шоферы и рабочие гаража.

В Москве я несколько раз видел Владимира Ильича. Говорить же с ним довелось лишь дважды. Вот как это было.

В канцелярию автобазы Совнаркома поступило распоряжение: срочно отремонтировать пять автомобилей и передать их ВЧК — Ф. Э. Дзержинскому. Об исполнении доложить В. И. Ленину.

В ударном порядке мы отремонтировали машины и передали их по назначению. С докладом о выполнении задания к Ленину пошли заведующий гаражом Павлов, комиссар Бородачев и я, председатель рабочего комитета.

Владимир Ильич принял нас в своем кремлевском кабинете. Вышел из-за стола, поздоровался с каждым за руку и спросил:

— Как дела, товарищи?

Павлов ответил Владимиру Ильичу, что задание выполнено. Дзержинскому переданы четыре легковые и

одна грузовая машина. За их исправность и сохранность на шоферов возложена персональная ответственность.

Нас тогда удивило то, что Владимир Ильич был хорошо осведомлен о наших нуждах — нехватке запасных деталей в автомастерской, поиске подходящего помещения для гаража. Знал он и о том, что семьи шоферов ютятся на Петровке, 38, и плохо питаются.

— Надо сделать все,— говорил Ленин,— чтобы шоферы и их семьи не чувствовали себя в Москве чужими, забытыми. Тем семьям, которые нуждаются, надо немедленно помочь.

О многом расспрашивал нас Владимир Ильич. Поблагодарил за наш труд, пожелал успехов в работе на новом месте и тепло попрощался.

В первых числах апреля 1918 года мне пришлось снова разговаривать с Владимиром Ильичем, но не лично, а по телефону.

В гараж Совнаркома однажды пожаловали вооруженные анархисты. Угрожая шоферу Алексею Демину, они потребовали, чтобы он отвез их в Замоскворечье. Тот не растерялся и решительно заявил, что если анархисты не покинут гаража подобру-поздорову, то придется применить силу. И показал на шоферов и ремонтников, которые с ключами и кувалдами окружили непрошеных «гостей». Анархисты, видя, что им придется туго, покинули гараж.

Я немедленно позвонил в секретариат Совнаркома и попросил к телефону Владимира Ильича.

— Что скажете, товарищ? — услышал я знакомый голос.

Сильно волнуясь, коротко рассказал о случившемся. Нельзя ли, говорю, распорядиться прислать для охраны гаража красноармейцев, так как анархисты могут повторить свой налет.

Владимир Ильич в свою очередь спросил: а нельзя ли организовать охрану гаража своими силами? Я ответил, что невозможно. Шоферы в разъездах, ремонтных рабочих мало, все они заняты неотложными и срочными делами: собирают отдельные узлы из разных деталей, вытачивают детали вручную, на глазок. На все это уходит уйма времени.

— Ничего, товарищ Крулев, не огорчайтесь,— ска-

зал Владимир Ильич.— Будут и у нас новые автомобили.— И после небольшой паузы добавил:— Хорошие автомобили будут у нас. Свои. Отечественные.

Красноармейцы для охраны правительственного гаража в тот же день были присланы.

Помню, в каком подавленном состоянии вернулся на машине в гараж шофер Степан Гиль, на глазах которого эсерка Каплан трижды выстрелила в Ленина. Это случилось 30 августа 1918 года.

О состоянии здоровья Владимира Ильича в те печальные дни мы узнавали от наших шоферов, постоянно дежуривших с машинами у подъезда Совнаркома. Они привозили к Ленину врачей, ездили в городские аптеки за лекарствами.

Утром 5 сентября, ко всеобщей радости, нам сообщили, что жизнь вождя спасена.

П. Н. НИКОЛАЕВ

ПАРОЛЬ ТРУДЯЩИХСЯ

Родился Павел Николаевич Николаев в бедной крестьянской семье в тверской деревне Ратово. Подростком приехал в Колпино, нанялся к подрядчику за 35 целковых в год... В 1908 году Николаева призвали в армию. Отслужив срок, он приехал в Питер, где жила его сестра. Поступил на курсы шоферов. Успешно окончил их и стал работать в гараже на Кожевенной линии. Потом его перевели в придворный гараж Царского Села.

В дни, когда свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, П. Н. Николаева откомандировали в распоряжение наркома путей сообщения М. Т. Елизарова и М. И. Ульяновой, работавшей в газете «Правда».

Помню, как мне представился первый счастливый случай увидеть В. И. Ленина. Приехал я за М. И. Ульяновой, чтобы отвезти ее в редакцию «Правды». А вместе с Марией Ильиничной в машину сел Владимир Ильич. По дороге он давал сестре советы, касающиеся печатной пропаганды первых декретов Советской власти. Когда проезжали мимо Зимнего, Ленин поинтересовался, почему дворец оцеплен красногвардейцами. Мария Ильинична ответила:

— Красногвардейцы охраняют винные погреба.

Владимир Ильич заметил, что, как только он вернется в Смольный, немедленно отдаст распоряжение о взятии всех «злачных мест» на строгий учет и надежной их охране, о решительном пресечении погромов винных складов, подвалов и лавок.

Запомнился мне и второй случай, когда пришлось везти на машине Ленина. Вместе с ним были в тот раз Надежда Константиновна и Мария Ильинична. Ехали опять в редакцию «Правды».

У поворота на Ивановскую улицу намело большой сугроб снега, и я не смог проскочить его с ходу. Машина застряла, начала буксовать. Лопаты с собой не оказалось. Что делать? Стал разгребать снег ногами и руками.

Тут Владимир Ильич вышел из машины и сказал:

— Товарищ шофер, садитесь, пожалуйста, за руль. Я вам помогу.

Сел, включил скорость, начал раскачивать машину. Владимир Ильич помогал. Уперся плечом в кузов... Раз, другой, третий... Машина медленно тронулась вперед. Снежный занос преодолели.

Когда подъехали к редакции «Правды», Владимир Ильич, выйдя из машины, сказал:

— Спасибо, товарищ!

Однажды я получил указание отвезти Владимира Ильича на Петроградскую сторону. У одного из домов на Геслеровской улице он попросил остановить автомобиль. Предупредил, чтобы я его ждал, от машины не уходил. Если кто поинтересуется пассажиром, ответить, что привез какого-то комиссара. Фамилию можно назвать вымышленную.

Заверил Владимира Ильича, что все будет сделано как надо. Мне ведь уже приходилось возить Ленина и членов Советского правительства, и я знал, как себя держать со случайными прохожими, что говорить не в меру любопытным обывателям.

Мы понимали, какой опасности подвергался вождь революции в поездках по городу, и старались принять все необходимые меры предосторожности.

Враги охотились за автомашинами, в которых ездили ответственные партийные и советские работники. Пользуясь плохим освещением улиц, они нередко стреляли из-за угла, бросали под колеса гранаты. Поэтому нашим машинам в определенные часы выходить из гаража без особого пропуска запрещалось.

Такой пропуск, за подписью Ленина, получил и я.

Какие впечатления остались у меня от личных встреч с Владимиром Ильичем? Неизгладимые. Он был приветлив, внимателен, щедр на доброе слово.

Никто раньше не стоял так близко к простым людям и не сделал для них так много, как Ленин. В нем всех восхищала удивительная черта — остаться незаме-

ченным, никак не выделять себя. И это было у него качеством, развитым и закрепленным в повседневной жизни и деятельности, в революционной борьбе.

Я счастлив, что говорил с Лениным, возил его на машине, выполнял его распоряжения и получал сердечное спасибо за шоферский труд.

За свою долгую жизнь я не раз задумывался над вопросом, почему Владимир Ильич с каким-то особым оттенком деликатности, возвышенности и гордости произносил слово «товарищ». Видимо, потому, что это слово стало знаменем эпохи, знаменем Октября. Идеи товарищества, идеи коллективизма и братства — крылья нашей жизни, пароль трудящихся всех стран и континентов.

В. И. РЯБОВ

ОСОБЕННО ЗАПОМНИЛОСЬ...

В семье Ульяновых хорошо знали шофера Владимира Ивановича Рябова. Л. А. Фотиева свидетельствует: «Рябов был скромным тружеником, преданным делу революции. Пользовался большим уважением у Владимира Ильича, Надежды Константиновны и Марии Ильиничны. Совнаркомовцы любили шофера за веселый нрав, спокойствие, выдержку и бесстрашие».

В. И. Рябов — непосредственный участник Октябрьской революции; по приказу Военно-революционного комитета доставлял оружие из Петропавловской крепости для рабочих, солдат и матросов.

Владимир Иванович возил на машине В. И. Ленина в Петрограде, Москве и Подмосковье, некоторое время находился с ним в Горках. О том, что особенно запомнилось, он оставил свои воспоминания.

В первые дни Октября, когда проходил II съезд Советов, мне не довелось видеть В. И. Ленина. Тогда из Смольного Владимир Ильич не выезжал, а посылал записки с адресами и просьбой отыскать и привезти или отвезти какого-либо товарища, что мы, шоферы, и делали.

Подавать машину для Ленина я стал в конце октября 1917 года. Помню, первая поездка с Владимиром Ильичем была в Александринский театр, где проходил какой-то митинг или заседание. Потом возил его на квартиру к В. Д. Бонч-Бруевичу.

Был очевидцем отъезда В. И. Ленина в Москву. Вечером мне позвонили в гараж и попросили подать автомобиль к Смольному. В машину сели Владимир Ильич и Надежда Константиновна.

Поехали по Обводному каналу. По переулкам выехали, кажется, на Цветочную платформу.

В. И. Ленин в своем кабинете в Кремле.
Москва, октябрь 1918 года

Верхний кремлевский коммутатор;
расположен в комнате, примыкающей к кабинету В. И. Ленина

Дорога каждая минута. С рисунка худ. Н. Н. Жукова

В. И. Ленин в группе сотрудников Секретариата Совета Народных Комиссаров в Кремле. Москва, октябрь 1918 года

В. И. Ленин на Всероссийском субботнике в Кремле. 1 мая 1920 года

Автосани, которыми пользовался В. И. Ленин для зимних поездок за город в 1921—1922 годах. Вверху шоферы: С. К. Гиль (слева) и П. С. Космачев

Главное здание в Горках

Место купания Владимира Ильича на реке Пахре

Владимир Ильич вышел из машины, попрощался:

— Надеюсь, еще увидимся.

Я понял, что он покидает Петроград...

Обслуживал его и после переезда в Москву. Владимир Ильич жил в Кремле, а его машина обычно стояла в Каретном ряду, в гараже автобазы Совета Народных Комиссаров.

Как-то зимним вечером я подал машину в Кремль, к подъезду квартиры Ленина. Вышли Владимир Ильич, Надежда Константиновна и Мария Ильинична. Ездили в Сокольники, на прогулку. Города я еще тогда не знал, и Владимир Ильич стал мне указывать путь. Указывал уверенно, видимо, дорогу знал хорошо.

Ездил с Лениным по Ярославскому шоссе, на дачу доктора Соловьева. Это было в мае 1918 года. Место дачное было красивым. Дома стояли на берегу реки Клязьмы, недалеко от деревни Комаровки. Сюда Ульяновы стали иногда ездить в выходной день на отдых. Выезжали в субботу часов в шесть-семь вечера, а в понедельник утром возвращались в Москву.

Владимира Ильича в этих поездках сопровождали обычно Надежда Константиновна и Мария Ильинична. Видел вместе с ними здесь, на даче, И. И. Скворцова-Степанова и В. Д. Бонч-Бруевича.

В середине лета 1918 года машину, обслуживавшую Ленина, перевели на стоянку в Кремль. За этой машиной был закреплен С. К. Гиль. Я остался в гараже автобазы Совнаркома и стал обслуживать В. Д. Бонч-Бруевича.

Вскоре Ленину потребовалась закрытая машина. Водителем ее предложили быть мне. Так я снова вернулся к Владимиру Ильичу.

Никогда не забудутся дни, проведенные в Горках. Иногда Ленин поднимал меня рано утром, когда все обитатели дачи еще спали. Чтобы никого не потревожить, Владимир Ильич и я выкатывали машину из гаража и со двора, не заводя мотора, и уезжали в Москву. Потом я возвращался за Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной.

Одна из поездок в летний театр Зоологического сада особенно мне запомнилась. Было это 6 августа 1919 года. Владимир Ильич выступал на беспартийной рабоче-красноармейской конференции Пресненского, Хамовни-

ческого, Сущевско-Марьинского и Бутырского районов столицы. Вместе со всеми я слушал речь Ленина. Он начал говорить сперва о статье, которая была напечатана в «Правде». В ней сообщалось, что в одном селе бедняки объединились и отобрали у кулаков излишки хлеба, а также инвентарь и поделили все между собой.

И надо было видеть, как все слушавшие вдруг оживились, зааплодировали. Кто-то выкрикнул: «Правильно сделали!»

Посмотрел я на Владимира Ильича. Он улыбался. А когда снова воцарилась тишина, продолжил свою речь.

— На первый взгляд,— сказал Владимир Ильич,— этот факт как будто небольшой, а на самом деле значителен! Бедняки организованно отбирают у богачей излишки...

То время было тяжелое. Рабочие в городах голодали. И Ленин говорил, что спасение — в организованном подвозе хлеба и его распределении. Москва посылала в деревню продовольственные отряды.

Владимир Ильич выступал тогда перед трудящимися довольно часто. Были дни, когда я возил его на митинги в разные районы Москвы по три-четыре раза.

В этих поездках Ленин был как-то особенно сосредоточен, собран. Таким он мне запомнился навсегда.

Л. Т. ГОРОХОВ

КОЛОКОЛЬЧИКИ

Случилось так, что простой крестьянский паренек с Витебщины Лев Горохов оказался в Петрограде, стал рабочим, а затем шофером. Эта профессия привела его к большевикам, в Смольный. Революция доверила ему быть одним из шоферов В. И. Ленина.

В 1935 году М. И. Ульянова писала: «Знаю Л. Т. Горохова с 1917 года. С первых дней Октябрьской революции он, работая шофером, обслуживал В. И. Ленина... Тов. Горохов очень опытный шофер, добросовестный и честный человек».

У Льва Тимофеевича завидная судьба. Он возил Владимира Ильича по Москве и Подмосковью, временами жил вместе с ним в Горках.

Однажды мы, старые большевики, собрались в Кремле. Экскурсовод предложил нам сначала осмотреть квартиру В. И. Ленина, затем его рабочий кабинет и зал заседаний Совнаркома. Все согласились и стали дружно подниматься на третий этаж здания бывших судебных установлений.

Миновали одну лестничную площадку, другую... Вот и квартира Владимира Ильича.

Прихожая. С высокого потолка свисает единственная лампа. Экономным был хозяин. Берег каждую народную копейку. Знал, что нелегко она достается встающей из пепла и руин республике Советов.

Вешалка. У стены — дорожные, видавшие виды, сундуки. С ними Владимир Ильич и Надежда Константиновна проделали путь из эмиграции в Петроград, а затем оттуда в Москву. Отрадно было увидеть чемоданчик, что поменьше и поновей,— его приходилось и мне держать в руках: я привозил в нем Ленину в Горки лекарства, необходимые препараты.

С волнением переступили порог комнаты Ленина. Подошли к окну. На нем ни занавесок, ни штор. Так распорядился Владимир Ильич. Не любил он, чтобы затемнялся дневной свет.

Каждая вещь в комнате напоминала о Владимире Ильиче. Было такое чувство, что Ленин находится где-то рядом, что он куда-то ненадолго вышел и вот-вот вернется. Войдет своей легкой, стремительной походкой и скажет: «Здравствуйте, товарищи!»

...Последней осматривали кухню. Посредине — большой стол, покрытый светлой клеенкой. Справа — шкаф. В нем — тарелки, чашки, стаканы. У стены слева — второй, кухонный стол, на нем — самовар. Над столом — полка, на которой опрокинуты алюминиевые кастрюли. Под полкой в углу висит бидон. Помнится, в нем Владимир Ильич возил Надежде Константиновне молоко, когда мы на машине ездили к ней, больной, в Сокольники.

Многие из присутствовавших обратили внимание на небольшую кастрюлю с двумя заклепками на боку. Кто-то спросил:

— Неужели семья Владимира Ильича пользовалась вот такой посудой?

— Пользовалась. В этой кастрюле варили картошку,— ответил я.

— А вы откуда знаете?

— Знаю, потому что сам чинил эту кастрюлю по просьбе Марии Ильиничны.

И рассказал. Вез я однажды М. И. Ульянову из Кремля в «Правду». Дорогой она меня спрашивает: «Товарищ Горохов, не могли бы вы починить нам кастрюлю? Прохудилась в двух местах. Картошку не в чем варить. Я хотела было купить новую, да Володя запротестовал. Попроси, говорит, товарища Горохова, он в два счета кастрюлю эту приведет в порядок. Она нам еще послужит».

Многое вспоминается из того незабываемого прошлого...

Было это зимой 1919 года. Привез я Н. К. Крупскую в Кремль. Остановил машину у подъезда Совнаркома.

— Не выключайте мотора,— говорит Надежда Константиновна.— Сейчас должен выйти Владимир Ильич. Он скажет, куда мы поедем дальше.

И верно. Не прошло и минуты, появился Ленин.

— Товарищ Горохов,— сказал он,— прокатите нас за город.

Я обрадовался. Давно не выезжал с Владимиром Ильичем за город. Да и денек выдался словно по заказу: теплый, солнечный. Хорошо в такой день побродить по лесу по затвердевшему снежному насту!

Выехали из Кремля. Рядом со мной — чекист Чебанов, на заднем сиденье — Ленин и Крупская.

Время от времени посматриваю в боковое зеркало. Вид у Владимира Ильича был усталым. Еще бы. Только что закончила свою работу VIII Всероссийская конференция РКП(б). На ней Ленин выступал с докладом, говорил делегатам о самых важных и самых неотложных задачах, в том числе и о борьбе с эпидемией тифа.

Доехали до Сокола. И тут случилось непредвиденное. Из-под пробки радиатора вдруг вырвался фонтан горячего пара. Остановил машину и вспомнил, что, выезжая из Кремля, не открыл отверстие капота радиатора.

— Что случилось, товарищ Горохов? — спросил Ленин.

Чистосердечно рассказал Владимиру Ильичу о своей оплошности.

— Но не беспокойтесь, Владимир Ильич,— заверил я.— Сейчас зальем воды в радиатор — и снова в путь.

— Заливайте и догоняйте нас. Мы с Надей пойдем пешком.

Я забеспокоился. Как быть? Чебанов побежал за водой. Ленин и Крупская пошли без охраны.

К счастью, подоспел Чебанов. Быстро залили воду в радиатор и вдогонку за Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной. Они успели пройти не более двух кварталов. Шли по обочине дороги, разговаривали.

Когда мы их догнали, Владимир Ильич сказал, что за город ехать они раздумали. Решили вернуться в Кремль.

Мне стало неловко. Выходит, сорвал поездку.

Приехали в Кремль. Ленин первым вышел из машины. Откуда ни возьмись навстречу Мария Ильинична.

— Уже вернулись? — удивилась она.— Место, наверное, выбрали для прогулки неудачное?

— Что ты, Маняша,— задорно ответил Владимир Ильич.—Великолепная прогулка получилась. Вот и товарищ Горохов подтвердит.

Я виновато посмотрел на Надежду Константиновну. Та ободряюще улыбнулась и тихо сказала:

— Не огорчайтесь, товарищ Горохов. Владимир Ильич вспомнил, что должен переговорить со Склянским о незамедлительных мерах борьбы с сыпным тифом на Восточном фронте. Поэтому и вернулись.

Одна за другой всплывают в памяти поездки на машине с Лениным...

Однажды от Владимира Ильича поступило распоряжение: к девяти часам утра привезти к нему Горького. Ехать за ним поручили мне.

Хорошо знал улицу, на которой жил Горький. Помнил внешний вид дома, а на номер как-то не обратил внимания. Горький обычно встречал машину на улице, за калиткой.

Приезжаю на знакомую мне улицу, но дома, который нужен, не узнаю. А время идет. Забеспокоился. Возвратился в гараж. Увидев меня, заведующий гаражом Удалов спросил:

— Ну как, привез Алексея Максимовича?

— Нет,— ответил я.— Запамятовал номер дома.

Удалов переменился в лице.

— Сейчас же поезжай обратно,— сказал он.— Владимир Ильич уже звонил. Интересовался, кого послали за Горьким.— И назвал номер его дома.

Теперь я легко отыскал нужный мне дом. Его, оказывается, перекрасили. Он был совсем не похож на тот, который я видел ранее.

Бегу в парадное. Узнаю, что Алексей Максимович уже уехал на извозчике.

Сел обескураженный в машину, решил догнать Горького по дороге. Но не успел.

Вернулся в гараж. С тревогой ожидал, что вот-вот позвонит Владимир Ильич. Однако звонка не последовало. О многом тогда я передумал. Считал себя полностью виновным. Заслуживал, конечно, строгого взыскания. Ведь я не выполнил задания, поспешил, не проявил должного прилежания, шоферской находчивости.

За свой промах, упущение в работе я в тот раз не понес никакого наказания. Почему? Думаю, что Владимир Ильич просто не спросил Горького, на каком транспорте он приехал в Кремль.

А вот еще помнится... Ехали как-то в Горки. Рядом со мной все тот же Чебанов. А Владимир Ильич позади, на обычном своем месте. Проехали Верхние котлы. Впереди поворот на Серпуховское шоссе. Сбавил скорость. И вдруг слышу — Ленин тихо-тихо запел: «Замучен тяжелой неволей...» Одну из своих любимых песен.

Выехал на шоссе, но скорость не увеличивал. Мотор работал ровно, не заглушая ленинского голоса. Вспомнилось, как Мария Ильинична говорила, что, если брат поет эту песню, значит, он загрустил...

И я подумал: «Была не была! Попробую поднять настроение Владимира Ильича». Шепнул о своем намерении Чебанову. Тот согласно кивнул головой.

Вздохнул я и начал песню, которую любил петь в молодости: «Славное море, священный Байкал». Постепенно голос мой креп. А когда дошел до слов: «Эй, баргузин, пошевеливай вал — слышатся грома раскаты», над лесом, будто по волшебству, сверкнула молния и ударил гром. Брызнули первые капли теплого дождя.

Песня кончилась. Владимир Ильич заметил:

— Товарищ Горохов, вы неплохо поете.

— А я, Владимир Ильич, когда в царской армии служил, был в роте первым запевалой.

— Спойте еще, товарищ Горохов,— попросил он.

И я снова запел... И мне казалось, что песня поднимала Владимиру Ильичу настроение.

Хорошо помню, как Ленин попросил меня подготовить автомобиль для поездки в Завидово.

— Говорят, там можно славно поохотиться,— сказал он.

В Завидово приехали вечером. Остановились у егеря. Перекусили, попили чаю и решили отдыхать. Егерь предупредил, что поднимет охотников очень рано. До места облавы далековато, опаздывать в таком деле нельзя.

— Спать так спать,— согласился Владимир Ильич.— Возражать против этого не будем.

Хозяйка дома приготовила для Ленина постель в комнате: перину, пуховые подушки, теплое одеяло.

Но тот решительно отказался от мягкой постели, уверил хозяйку, что лучшего ночлега, чем на сеновале, в деревне не найдешь.

— Нам с товарищем Гороховым,— заметил при этом Владимир Ильич,— спать на сеновале не впервой.

Забрались туда. Я светил фонариком, а Владимир Ильич, подкладывая под голову сено, говорил:

— Поспать на свежем сене — такое в нашей теперешней жизни бывает не часто. А тут предлагают перину. Вы бы согласились, товарищ Горохов, спать на перине?

— Что вы, Владимир Ильич... Здесь куда лучше.

Он сладко потянулся, подложил руки под голову и мечтательно продолжал:

— Сено медовыми травами пахнет. И небо словно в алмазах...

Вскоре Владимир Ильич заснул. Мне не спалось. Лежал с открытыми глазами и прислушивался к ночным шорохам. На сеновал украдкой заглянул Чебанов. «Тоже не спит,— подумал я.— Заботится о Владимире Ильиче».

Утром, когда я проснулся, Владимира Ильича рядом уже не было. Он ушел на охоту...

Уезжали из Завидова поздно вечером. Небо было необыкновенно синим и очень звездным. Когда отъехали от дома егеря, Владимир Ильич оглянулся и сказал:

— Давно я так не отдыхал, как в этот раз.

Потом окинул взглядом звездную россыпь, заметил, что в юности он очень хорошо знал все созвездия, и с сожалением добавил:

— Теперь начал забывать...

Большая часть моих воспоминаний связана с Горками.

Как-то Мария Ильинична Ульянова предупредила меня, что вечером Владимир Ильич намеревается поехать в Горки.

— Подготовьте, пожалуйста, машину,— сказала она,— и ждите моего звонка в гараже.

Тщательно осмотрел рулевое управление. Отрегулировал зажигание. Проверил тормоза. Заменил смазку. Обычно я каждый винтик, каждый шплинт держал на примете. Пример в работе брал с Владимира Ильича.

Часов около пяти вечера меня позвали к телефону. Звонила Мария Ильинична. Спросила, готов ли я.

— Выезжаю,— ответил.

Едва успел затормозить у подъезда, как из дверей показался Ленин. Приветливо поздоровался. Сел на заднее сиденье.

— В Горки, товарищ Горохов.

В Горки... Знакомый путь. Каждый километр выверен. И все же нет-нет да и порадует глаз что-нибудь новое. Месяца полтора назад изба-читальня в деревне только строилась, а теперь она уже работает. На двери объявление. Владимир Ильич попросил сбавить скорость. Прочитал вслух: «В 20 часов в избе-читальне состоится доклад на тему: «Российское крестьянство в борьбе за мировую революцию»».

Нахмурился, сердито заметил:

— И крестьяне заражены фразой. Главное сейчас — наладить хозяйство, дать стране хлеб. Без этого не устоим. Революция погибнет. Трудиться надо. Без передышки, без фразы, без оглядки назад. Всем народом. Тогда — победим.

Откинулся на спинку сиденья и молчал до самых Горок.

В густой листве деревьев мелькнули окна большого дома. Владимир Ильич улыбнулся.

— Вот и наши Горки,— сказал он.

Остановился я у подъезда, обращенного в глубь старинного парка. Владимир Ильич вышел из автомобиля, окинул взглядом усадьбу и вдруг переменился в лице. Глухо сказал чекисту Чебанову:

— Вызовите, пожалуйста, сюда товарища Вевера.

Появился Вевер, заведующий санаторием «Горки». Ленин встретил его прямым вопросом:

— Кто вам разрешил спилить дерево?

Словно током меня ударило. Как же я не заметил: высокой ели с разлапистой, величавой кроной, что высилась метрах в ста от подъезда, не было. «Так вот что взволновало Владимира Ильича»,— подумал я.

— Вы будете строго наказаны,— сказал Ленин Веверу.

Он долго не мог успокоиться. Прошелся по аллее. Вернулся. Покачал головой и произнес:

— Какое головотяпство!

До того мне еще не приходилось слышать, чтобы с уст Ленина срывалось такое хлесткое, гневное слово.

Тут же был составлен протокол о наложении взыскания на Э. Я. Вевера. В нем говорилось: «Протоколом тт. Беленького, Иванычева и Габалина установлено, что по распоряжению заведующего санаторием тов. Вевера срублена 14 июня 1920 г. в парке санатория совершенно здоровая ель.

За допущение такой порчи советского имущества предписываю подвергнуть т. Вевера, заведующего санаторием при советском имении Горки,

аресту на 1 месяц.

Приговор привести в исполнение Подольскому уездному исполкому...» [1]

Далее в этом документе Ленин предупреждал, что в случае повторения неправильной рубки парка, аллей, леса Вевер будет «удален с занимаемой должности».

Думается, случай со срубленной елью весьма показателен. Он свидетельствует прежде всего о том, что В. И. Ленин очень любил природу и дорожил ее богатствами. И был строг и принципиален, когда дело касалось защиты общественных, партийных и государственных интересов.

В свободное от поездок время я иногда ходил здесь на речку Пахру. Выкупаюсь, бывало, и присяду на бережке, чтобы покурить. Вот так однажды сижу и вижу: идет Ленин. Подошел, поздоровался. Присел рядом. Взял камушек, подержал его на ладони и бросил в воду.

Неподалеку от места, где мы сидели, деревенские мужики тянули бредень. Владимир Ильич все посматривал в сторону рыбаков, а потом встал и направился к ним. Он о чем-то весело поговорил с рыбаками, а затем принялся помогать им. За какие-нибудь полчаса мужики наловили рыбы ведра три-четыре.

Владимир Ильич подозвал меня и сказал:

— Посмотрите, какая великолепная рыба в нашей Пахре водится.— И, посмотрев на часы, засобирался домой.

Крестьяне горячо поблагодарили Ленина за помощь и выбрали для него десятка два крупных линей. Владимир Ильич запротестовал:

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 151.

— Нет, нет, ничего не надо. С удовольствием с вами отдохнул, размял старые кости.

Как ни отказывался, а все же крестьяне уговорили его взять рыбу.

Идем в усадьбу. Я хотел было помочь Владимиру Ильичу, попытался взять у него из рук сетку с рыбой.

— Э, так нехорошо, батенька,— решительно заявил он.— Я ловил, я и понесу.

Во дворе усадьбы нас встретила Надежда Константиновна:

— Где это вы раздобыли такой дефицитный продукт?

Владимир Ильич озорно улыбнулся:

— Рыбаки местные, из Горок, упросили тебе в подарок взять. Никак нельзя было отказаться.

Надежда Константиновна озабоченно сказала:

— И нам бы надо их чем-то отблагодарить. Чем — вот вопрос. Наверняка дети есть у этих рыбаков.

— Конечно, есть,— подтвердил Владимир Ильич.

— Вот и хорошо. Раздобудем каких-нибудь сладостей, а товарищ Горохов отвезет.

Какой радостью сияли глаза крестьянских ребятишек, когда я вручил им подарки от Ленина!..

Лето в Горках — незабываемое время. Тишина и теплынь. Парк — в дреме. В большом доме открыты почти все окна второго этажа. Внизу у подъезда с корзинами в руках стоят Надежда Константиновна и Мария Ильинична. Через минуту к ним присоединяется Владимир Ильич. Он в синей косоворотке и кепке.

А я стою с машиной неподалеку от подъезда. Жду своих пассажиров. Что-то запаздывает врач, профессор Розанов.

Слышу, как Владимир Ильич говорит:

— Нет, нет, Надя. Не защищай Владимира Николаевича. Грибник он никудышный. Да вот он и сам. Легок на помине.

До Розанова, очевидно, долетели нелестные слова Ленина. Он смущенно признался:

— Действительно, не получается у меня с грибами. Прошлый раз раздавил ногами несколько великолепнейших боровиков. Рассердил Владимира Ильича.

— Как же не сердиться,— сказал Ленин.— Ведь боровик — король грибов!

Пассажиры разместились в машине. Владимир Ильич сказал мне:

— Везите нас в Белые Столбы. Мы должны непременно сделать Владимира Николаевича настоящим грибником.

В пути Ленин был оживлен. Говорил с Розановым о русских лесах как о щедрой природной кладовой. Тогда-то я впервые и услышал, что грибы по калорийности не уступают мясу и хлебу, а лимонник и крушина, малина и смородина, многие лесные травы имеют целебные свойства.

— Используем мы лесные богатства еще крайне плохо,— говорил Владимир Ильич.— Не горстью надо брать от щедрот грибной целины, а полной чашей.

Приехали в лес. Разделились на две группы. Надежда Константиновна и Мария Ильинична пошли по одной стороне просеки, а Владимир Ильич и Владимир Николаевич — по другой. Я остался у машины.

С нетерпением ждал возвращения грибников. Беспокоился за них. Раз на раз не приходится. Найдешь грибное место — удача. Не найдешь — с пустой корзиной вернешься.

Через час вернулись Крупская и Ульянова.

— На грибное место попали,— сказала Надежда Константиновна.— Зря два Владимира пошли в другую сторону.

Спустя еще полчаса к машине подошли Ленин и Розанов. У того и другого — полные корзины. Владимир Николаевич рассказал, как на этот раз ему повезло: он нашел абсолютно здоровый белый гриб-великан и подарил его Владимиру Ильичу.

На обратном пути пассажиры в машине сначала молчали. Только когда стали проезжать густые березовые леса, Владимир Ильич с каким-то особенным оттенком в голосе заметил:

— Леса России... Простят ли они нам «печенегские» набеги?

И пояснил свою мысль Розанову. Донбасс лежал поверженным. Угля почти не было. Нефть поступала в мизерном количестве. Советской власти ничего не оставалось делать, как вырубать на дрова тысячи гектаров леса.

— Простые, обыкновенные поленья,— продолжал

Владимир Ильич.— Не пишут о них баллад наши поэты. А зря. Дрова — это энергия, тепло, свет.

Леса России... Мне они дороги еще и потому, что напоминают великого их ценителя — Ленина.

Один раз в Горках мне пришлось выполнять необычные функции. Я готовил машину для поездки. И вдруг меня позвали в главное здание и сказали, что надо побрить и подстричь Владимира Ильича. Я сначала не поверил и обратился к Марии Ильиничне за подтверждением.

— Да, да,— сказала она.— Побрить и подстричь.

— Смогу ли, Мария Ильинична?

— Владимир Ильич просит вас.

Прошли в гостиную.

— Вот здесь будете работать. Я пойду за ним.

Приходилось мне выполнять многие поручения, но тут, признаться, оробел.

Через несколько минут пришел Владимир Ильич. Поздоровался и сказал:

— Сейчас займемся своими делами.

Сел в кресло перед зеркалом и весело на меня посмотрел. А мне совсем невесело. С чего же, думаю, начинать? Взял в руки машинку. Стал ее рассматривать, пробовать. Инструмент нехитрый, но ведь я обращался с ним впервые. А Ленин торопит. И между прочим заметил:

— Что-то вы долго проверяете машинку.

Мария Ильинична одобряюще улыбнулась: «Не робей, мол. Смелее берись».

Отступать было некуда. Взялся.

Владимир Ильич терпеливо выполнял все требования незадачливого парикмахера. То поднимал, то наклонял голову, изредка с любопытством посматривал в зеркало.

«Кажется, все»,— с облегчением вздохнул я. Немного отошел и посмотрел — хорошо ли вышло.

— Вполне, вполне,— сказал Владимир Ильич.— А теперь прошу побрить.

С бритьем мешкать не пришлось. Это дело было привычное.

Когда вся процедура была закончена, Владимир Ильич с признательностью пожал мне руку. Еще раз посмотрел в зеркало. Шутливо сказал:

— Вернется Надя из Москвы — не узнает. На десяток лет помолодел.

Однажды, когда профессор Розанов приехал в Горки, Ленин спросил его:

— Как живется москвичам?

— Трудно, Владимир Ильич! Слишком много недругов у большевиков.

— Э, батенька, не слышу в голосе оптимизма! — воскликнул Ленин.— Потому и много, что мы — большевики.

Владимир Ильич задумался, стал серьезным. Подошел к Розанову:

— Дорогой Владимир Николаевич! Партия давно готовила трудящихся к классовым боям. И сейчас, когда идет бой, нам ли, коммунистам, бояться врагов? Мы обязательно победим.

Вспоминается случай, который произошел с Владимиром Ильичем на прогулке в окрестностях Горок.

Встретил он как-то девочку лет одиннадцати-двенадцати. Спросил, куда она идет, как ее зовут. Девочка ответила, что мать послала ее к лавочнику Горбачу за мукой в село Ям, а зовут ее Наташей Сусловой.

— Зачем же ты, Наташа, идешь за мукой к Горбачу,— сказал Ленин.— Иди в кооператив, там мука намного дешевле.— И показал Наташе, где находится кооператив.

Дня через два Ленин снова повстречал девочку и поинтересовался, где она брала муку. Наташа радостно ответила:

— В кооперативе!

Сельским кооперативом руководил тогда Александр Дмитриевич Панков. Он сумел так повести дела, что в магазине всегда были товары, мука и стоили они значительно дешевле, чем в лавочке у частника Горбача. Ленин, бывая в Горках, интересовался работой кооператива, давал Панкову советы. Вот почему он порекомендовал Наташе Сусловой идти за мукой в кооператив.

Ныне Наталья Константиновна Суслова — жительница деревни Малое Брянцево Подольского района Московской области.

Село Ям находилось на берегу реки Пахра, недалеко от Горок.

Часто представляю Владимира Ильича сидящим в саду на скамейке с газетой в руках. Лицо серьезное и сосредоточенное, брови сдвинуты. Читает быстро...

Вспоминаю лето 1921 года. Тогда Ленин проводил в Горках свой отпуск. Он часто один совершал далекие прогулки, а возвращаясь, неизменно приносил букет темно-голубых колокольчиков. На вопрос Надежды Константиновны, где он их находит в таком количестве, Ленин, улыбаясь, отвечал, что это его маленькая тайна...

Колокольчики. Почему именно их любил Ленин? Не потому ли, что уже самое название цветов вызывает светлые чувства, ассоциируется с призывным звоном, который волнует и тревожит, побуждает к движению, действию, борьбе?

Пройдет еще много-много лет, а на ленинской лужайке по-прежнему будут цвести любимые Владимира Ильича темно-голубые колокольчики. Колокольчики наших сердец...

П. С. КОСМАЧЕВ

«А ЛУЧШЕ ГОРОК НАМ МЕСТА НЕ НАЙТИ...»

Петр Сидорович Космачев родился в деревне Ахромея Себежского района Псковской области. Когда подрос, ушел на заработки в Петроград. Поступил на завод. Овладел сначала слесарным делом, потом пристрастился к автомобильной технике.

После победы Октября стал работать в правительственном гараже. Возил на машине В. И. Ленина, Я. М. Свердлова, Н. И. Подвойского, Ф. Э. Дзержинского, Н. К. Крупскую, М. И. Ульянову.

Петр Сидорович ездил с Лениным в имение Архангельское, находился с ним в деревне Костино, в усадьбе Корзинкино близ села Троицкое-Лыково и в Горках. Не раз ходил с Владимиром Ильичем на охоту...

Отчетливо помню, как однажды Владимир Ильич сказал мне:

— Товарищ Космачев, поедем за город, в Архангельское.

Поехали. При переезде одного из мостов я попросил Ленина выйти из машины, так как мост был ветхим. Владимир Ильич охотно согласился со мной.

Прибыли в Архангельское. К нашей машине подошел один крестьянин. Ленин начал с ним беседовать о жизни в деревне. Тот пожаловался, что мосты приходят в негодность и никто их не ремонтирует. Владимир Ильич внимательно выслушал крестьянина. Сказал, что Советское государство пока только набирается сил. Ведет неслыханно тяжелую борьбу с белогвардейцами. Когда победит их, наведет по всем линиям должный порядок, в том числе и в дорожном хозяйстве.

Владимир Ильич ушел, а я остался у машины. Тот крестьянин подошел ко мне и стал допытываться, кто это приехал? Я ответил, что пассажир случайный, ищет дачу, его не знаю. Крестьянин, видимо, мне не поверил

и вслух проговорил: «Нет, должно быть, это большой комиссар».

Одно время Ленин отдыхал в деревне Костино. Когда мы туда приехали, там еще не был закончен ремонт дома, отведенного для Владимира Ильича. И мне пришлось заниматься электропроводкой. Для освещения дома я использовал обыкновенные 12-вольтовые аккумуляторы. В комнатах соорудил шнуровую проводку.

Больше всего следил за исправностью электропроводки в рабочем кабинете Ленина. Здесь была сделана переносная лампочка.

Владимир Ильич часто уходил гулять. В это время я обычно проверял исправность электропроводки и лампочек во всех комнатах.

Для Владимира Ильича были сооружены автосани, которые стояли под открытым небом. Узнав об этом, он распорядился отеплить один из сараев. Мороз в то время достигал 20 градусов.

В сарае установили печку, поместили туда автосани. Но вот как-то ночью на чердаке загорелся мусор. Видимо, от печной трубы. Разбудили меня. Я глянул в окно: крыша сарая пылала. Побежал, открыл ворота. Автосани успел спасти, огонь их не тронул.

Загорелся потом и дом. Телефонная связь с Москвой нарушилась. Однако в Кремле каким-то образом узнали, что в Костине что-то не в порядке. Видимо, стали звонить, а телефон не работал. К утру к нам из Москвы приехала группа товарищей.

После пожара Ленин еще недели полторы жил в Костине, а потом мы выехали в Корзинкино. Здесь условия были уже лучше.

Но тоже, помню, произошел такой случай. Как-то днем мы сидели в одной из комнат. Владимир Ильич находился на балконе. Потом входит он к нам и говорит:

— Товарищи, мне кажется, мы опять горим.

Посмотрели, ничего не обнаружили. Владимиру Ильичу сказали, что это просто туман. Опять сидим.

Вскоре Владимир Ильич снова к нам зашел и сказал:

— Нет, товарищи, мы горим. Дым из-под крыши идет.

Мы выбежали на улицу и действительно увидели дым из-под крыши. Пробрались на чердак. Здесь весь накат горел. Огнетушителями быстро сбили пламя.

Отчего же загорелось? Выяснили: в ванной стояла колонка, труба от нее выходила на чердак. Труба была засыпана опилками до самой крыши. Вот они-то и загорелись.

Владимир Ильич часто отдыхал на балконе. Отсюда открывался красивый вид... Вместе с Надеждой Константиновной ходили на прогулки, правда, далеко не удалялись, так как было бездорожье. Большею частью они совершали прогулки в сторону железной дороги.

В конце марта или в начале апреля переехали в Горки. Помнится, по дороге Владимир Ильич сказал:

— А лучше Горок нам места не найти...

Как проводил он здесь свой отдых?

Часто гулял в парке. У него была любимая скамейка. Выйдут рано утром с Надеждой Константиновной, сядут и наблюдают за полевыми работами в совхозе.

А иной раз пойдут собирать грибы. И где-нибудь по дороге Владимир Ильич, встретив крестьян, обязательно побеседует с ними, ответит на вопросы.

Очень любил Владимир Ильич охоту. Нередко и мне приходилось бывать вместе с ним на охоте.

Ездили как-то в Жуковку охотиться на зайцев. Пришли утром к месту облавы. Владимиру Ильичу удалось первому убить зайца. Взял он его и все время носил с собой. Владимир Ильич обычно никому не отдавал носить охотничью добычу и не обращался за помощью.

К вечеру охотиться на зайцев начали с собаками. Вижу, Владимир Ильич уже устал. Я попросил у него убитого зайца, хотел помочь поднести, но от помощи он категорически отказался, донес его до машины сам.

Особенно ему нравилась весенняя охота. Выезжали на вальдшнепа, больше всего в районе Горок.

Однажды вдвоем пошли на тягу. Подкрались, залегли. Владимир Ильич жалуется:

— Вот, товарищ Космачев, стал стареть, не слышу, когда цокает вальдшнеп.

Бывало, во время охоты выберет хорошее местечко и скажет:

— Ляжем на траву, отдохнем. Если я буду долго спать, разбудите меня.

Но будить его не приходилось. Он вставал всегда раньше меня.

На охоте Владимир Ильич был исключительно дисциплинированным. Если охота с облавой и ему скажут стоять там-то, так он уже — никуда. Услышит первый выстрел, непременно спросит: кто это выстрелил?

Зимой ходил в простых черных валенках, в суконном пальто на меху, в шапке.

Обстановка на охоте обыкновенно располагала к откровенности. На привалах, за обедом или ужином, у костра Владимир Ильич расспрашивал меня о личных делах, о том, что пишут из родных краев — с моей Псковщины.

— Товарищ Космачев,— сказал как-то Ленин,— а ведь мы с вами почти земляки.

— Вы же с Волги, Владимир Ильич!

— Приходилось жить и в Пскове. Вы хорошо знаете свой город? Сергиевскую, Архангельскую улицы? Я квартировал в доме Чернова.

По моим личным наблюдениям, Владимир Ильич был очень заботливым человеком. Всегда беспокоился о своих товарищах по работе, о родных, о тех, с кем ему ежедневно приходилось встречаться. Увидел как-то шофера в морозный день в легком пальто, спросил меня:

— Почему шоферы плохо одеты?

А на другой день у нас, шоферов, появились полушубки.

Вез я однажды из Москвы к В. И. Ленину в Горки одного из секретарей ЦК партии на автосанях. Не доезжая с полкилометра до Горок, заметил, что стали плохо действовать тормоза. Предложил товарищу прогуляться до Горок пешком: мало ли что может случиться с неисправной машиной? А сам осторожно двинулся вперед. Опасения были не напрасны: отказало и рулевое управление. Не успел что-либо предпринять, как автосани вильнули в сторону и плюхнулись в кювет.

Сильно тогда я расшибся, получил травмы. Врач, осмотрев меня, сказал, что нуждаюсь в длительном отдыхе и лечении.

Когда об этом узнал Ленин, он тут же распорядился, чтобы меня оставили в Горках.

— Вместе будем набирать силы, поправлять здоровье! — сказал он мне улыбаясь.

Потом всякий раз, встречая меня, Владимир Ильич деликатно спрашивал, хорошо ли отдыхается в Горках.

А через некоторое время Владимир Ильич пришел вдруг в гараж и уговорил меня поехать с ним в Москву.

Приехали в Кремль после долгого перерыва. Побыл Владимир Ильич в своем кабинете...

В Горки возвращались на следующий день. Но уже другим путем: Владимир Ильич попросил проехать мимо сельскохозяйственной выставки. Там, где теперь Парк культуры и отдыха имени А. М. Горького.

Эта поездка в Москву была последней в жизни В. И. Ленина.

Я находился в Горках с машиной неотлучно.

Был в притихшем доме и в те минуты, когда навсегда перестало биться пламенное сердце великого вождя. Вместе со всеми в последний путь провожал его и я. До станции ехал на автосанях...

Владимир Ильич Ленин жил и творил для счастья трудящихся. Он был многогранен, как алмаз, любая из сторон которого всегда будет играть и переливаться своим особым и неповторимым светом...

НАД РАСКРЫТОЙ КНИГОЙ

Когда я вспоминаю наши беседы с Лениным — его слова живы во мне, словно я их слышала сегодня,— во всех них выступает одна характерная черта великого революционного вождя. Это — глубина его отношения к широчайшим массам трудящихся, в особенности к рабочим и крестьянам.

КЛАРА ЦЕТКИН

Е. Н. АБРАМОВА

ЛИСТОК ИЗ БЛОКНОТА

У Екатерины Николаевны Абрамовой (по мужу Лаковой) отец был дворником, мать — прачкой. Однако родители сделали все, чтобы дочь окончила начальную школу, а затем получила специальность телефонистки.

В 1916 году Е. Н. Абрамова поступила работать на Центральную телефонную станцию Москвы. В свободное от дежурств время стала посещать вечерние рабочие классы Алексеевского народного дома, познакомилась с марксистской литературой. В красногвардейском отряде Хамовнического района прошла первую жизненную закалку.

В январе 1919 года Екатерине Николаевне, первой из девушек Московской телефонной сети, посчастливилось стать телефонисткой Верхнего кремлевского коммутатора, обслуживавшего В. И. Ленина, членов Центрального Комитета партии и народных комиссаров.

На работу в Кремль меня направил комиссар Московской телефонной сети. Вышла я из его кабинета, развернула вдвое сложенный листок и еще раз прочитала: «Предлагаю вам отправиться немедленно в Кремль для дежурства за коммутатором при кабинете товарища Ленина».

От комиссара пошла на прием к наркому почт и телеграфов РСФСР В. Н. Подбельскому. Он сказал, что телефонисты-мужчины попросились у Ленина на фронт. Владимир Ильич согласился удовлетворить просьбу товарищей, но с одним условием: что их на коммутаторе заменят квалифицированные телефонистки.

Никогда не забыть тех волнующих минут... Проверка документов у Троицких ворот. Подъем на третий этаж Совнаркома...

Вопрос дежурного телефониста:

— К нам, девушка?

— К товарищу Ленину,— ответила я и показала предписание.

Телефонист куда-то позвонил. В комнату вошла молодая высокая женщина. Это была Лидия Александровна Фотиева — секретарь Совнаркома и В. И. Ленина. Познакомилась со мной, сказала:

— Будете работать на коммутаторе вместо товарища Дмитриева, который уезжает на фронт.— И вышла.

А через несколько минут в дверях появился Владимир Ильич. Он поздоровался и спросил:

— Вы присланы с Центральной телефонной станции? Свое дело знаете?

Я так смутилась, что не смогла ничего ответить и только утвердительно кивнула головой.

— Ну вот и оставайтесь. Вы — первая. Вслед за вами придут и другие девушки, а пока принимайте дела у товарища Дмитриева.

Я узнала потом, что Дмитриев был одним из первых телефонистов, обслуживавших В. И. Ленина еще в Смольном.

После ухода на фронт опытных телефонистов-мужчин на коммутатор стали прибывать телефонистки-девушки — Клава Ягунова, Нюра Руднева, Лида Орлова, Таня Быковская, Вера Макарова, Елена Степанова, Маруся Сыроешкина и другие.

С первых же дней работы всем нам бросилась в глаза следующая черта характера Ленина. При всей своей постоянной занятости, Владимир Ильич никогда не пренебрегал «мелочами». Он рассматривал труд каждого служащего Совнаркома, независимо от должности, как достойный всяческого уважения и внимания. Считал всех работавших рядом с ним равноправными товарищами, ответственными за порученное дело перед партией и государством.

И мы старались быть достойными высокой оценки нашего труда Владимиром Ильичем. Получали пакеты в ночное время и экстренные в дневное, оперативно направляли их по адресам. Телефонисткам приходилось выполнять отдельные небольшие поручения Ленина.

Помню, 13 сентября 1921 года В. И. Ленин предписал работникам Управления канцелярией СНК: каждый документ или пакет, который он давал для отправки, про-

верять лично дежурному секретарю, иметь заместителя на случай ухода и договариваться с телефонистками, дежурившими круглые сутки, о замене. Обязательно проверять, сделаны ли на конвертах все пометки: «В собственные руки», «Срочно», «С распиской на конверте», переданы ли тотчас курьеру.

К тому же нам иногда вменялось в обязанность проверять по телефону у адресата, получил ли он пакет. Показывать возвращенный с распиской конверт Владимиру Ильичу.

В. И. Ленин был требователен к работе, никогда не забывал проконтролировать выполнение своего распоряжения или расписаться на особо секретном пакете. Почерк у него был своеобразный. Я поначалу с трудом его разбирала. Помню, Владимир Ильич заставлял меня прочитывать составленную им телефонограмму вслух. Советовал вникать в смысл написанного текста, а не механически его передавать.

В самые короткие сроки я научилась быстро разбирать ленинский почерк и точно выполнять распоряжения и указания.

Наряду с требовательностью Владимир Ильич всегда проявлял заботу о людях, быстро откликался на их просьбы.

Однажды, когда наше дежурство на коммутаторе подходило к концу, нам с Клавой Ягуновой стало известно, что для кремлевских курсантов устраивается вечер и на нем должен выступить В. И. Ленин. После официальной части ожидался концерт. Так хотелось побывать!

Но мы знали, что в зал, где устраивается вечер, посторонних не будут пускать. Долго обсуждали, кто бы мог помочь. И тогда я решила попросить билеты на концерт у Ленина. Выслушав просьбу, Владимир Ильич сказал, что билетов у него, к сожалению, нет. А вот записку напишет. И, вырвав из своего блокнота листок, быстро написал о том, чтобы нас с К. Т. Ягуновой пропустили на концерт в Кремль.

По этой записке мы прошли на вечер кремлевских курсантов. Здесь впервые слушали выступление Ленина перед большой аудиторией. Вместе со всеми горячо ему аплодировали.

До последнего времени, как самую драгоценную ре-

ликвию, хранила я у себя дома листок из рабочего блокнота Владимира Ильича с неповторимым его почерком и штампом: «Председатель Совета Рабочей и Крестьянской Обороны. Москва, Кремль». Рукой Ленина была поставлена дата: «18.V.1919 г.».

Недавно я сдала этот листок в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, а взамен получила копию.

Несколько раз мне приходилось выполнять и личные поручения Ленина. Как-то он попросил сходить к нему на квартиру и передать какие-то бумаги Надежде Константиновне. Она в это время болела, и, чтобы ее не тревожить, Владимир Ильич дал мне ключ.

Но было известно, что у дверей квартиры Ленина находился пост № 27. Там стояли кремлевские курсанты — надежные, дисциплинированные ребята. Упрашивай не упрашивай — без пропуска не пропустят, если даже и ключ показать. Что же делать?

Зашла в аппаратную посоветоваться с подругой. Как быть? — говорю. Через несколько минут Владимир Ильич вошел в аппаратную и укоризненно покачал головой:

— Надежда Константиновна ждет, а вы все еще не отнесли ей нужные бумаги.

Побежала. Часовой, к моему удивлению, вместо пропуска спросил лишь фамилию. Наверное, Владимир Ильич позвонил коменданту Кремля, а тот дал указание часовому, и меня пропустили.

Надежда Константиновна взяла принесенные мной бумаги и поблагодарила.

Запомнилась мне скромная обстановка квартиры Ленина, простая мебель. Стол был накрыт белой льняной скатертью. В коридоре на полу — тканевая дорожка. Я не увидела никаких предметов роскоши.

Выполнив поручение, зашла к Владимиру Ильичу в кабинет, отдала ему ключ от квартиры. Он с улыбкой сказал: «Спасибо».

Трудящиеся, товарищи и друзья знали, что после тяжелого ранения выздоравливающий Ленин нуждался в хорошем и регулярном питании. Они поэтому при каждом удобном случае присылали на имя Председателя Совнаркома посылки с продуктами. Однако Владимир Ильич не принял ни одной посылки. Он отсылал их в детские учреждения, больницы и госпитали.

Прислал как-то посылку с фруктами Михаил Васильевич Фрунзе, находившийся тогда в Средней Азии. Зная, что Ленин не принимает личных посылок, он адресовал свою на секретариат Совнаркома. Работники секретариата, получив ее, включили в список на фрукты вместе со всеми и Владимира Ильича. Только в этом случае он подчинился воле товарищей, взял причитающуюся ему дольку дыни, несколько яблок и груш и еще маленькую веточку винограда.

Возглавляя Центральный Комитет партии и Советское правительство, Ленин работал с колоссальным напряжением сил. Однако мы ни разу не видели его удрученным или раздраженным. А ведь шла война. В стране царили разруха, голод, тиф. Советскую республику пытались задушить империалисты всего мира.

Владимир Ильич в обращении с товарищами был всегда неизменно вежлив, тактичен и выдержан.

Его устные распоряжения мы обычно записывали в особую тетрадь. Но вскоре выяснилось, что запись в тетради отнимала много времени. То, что говорил Ленин, иной раз не удавалось на слух быстро и точно записать. К тому же телефонисток постоянно отвлекали переговоры на линиях связи.

Тогда Владимир Ильич предложил делать записи его распоряжений, указаний и поручений на грифельной доске. Это оказалось очень удобным, особенно для него самого. Если он видел, что телефонистки заняты, брал в руки мел и писал на доске: кого соединить с ним по телефону или вызвать к нему в кабинет.

Мы, телефонистки, хорошо знали А. М. Сысоеву, работавшую в семье Ульяновых. Дружили с ней. Ценили эту простую женщину Владимир Ильич и Надежда Константиновна. Большим доверием пользовалась она у них.

Александра Михайловна, в свою очередь, старалась оправдать доверие семьи Ульяновых, поддерживала в квартире порядок, чистоту, аккуратно вела домашнее хозяйство.

Нередко Ленин приходил домой в два, а то и в три часа ночи. В столовой он неизменно находил горячий чай и бутерброды, приготовленные беспокойной и заботливой Саней — так звал Сысоеву Владимир Ильич.

Как сейчас, вижу совнаркомовский длинный и узкий

коридор. Тускло светят редкие лампочки. Холодно, тихо. Слышны только шаги Владимира Ильича, идущего из кабинета в свою квартиру. Вот он у дверей задержался. Посмотрел на юное, осунувшееся лицо часового и сказал ему, что на посту надо больше ходить. Тогда и время пройдет быстрее, и не задремлешь.

Владимир Ильич ушел, а часовой, следуя его совету, стал ходить по коридору — три шага туда, три — обратно. Вдруг дверь ленинской квартиры открылась, и на пороге показалась Сысоева. В руках она держала стакан крепкого чая и кусочек сахару.

— Это вам просил передать Владимир Ильич,— ласково сказала она.

Часовой был удивлен и в то же время глубоко тронут, но взять чай и сахар отказался: не полагается на посту.

Все это нам рассказала потом А. М. Сысоева.

Каким был для нас Владимир Ильич? — часто задаю себе вопрос. И отвечаю: родным и близким... Таким же, как и все мы. Только каждый из нас видел то, что делается недалеко вокруг, а Владимир Ильич видел будущее, на века вперед.

Л. И. ОРЛОВА

С ХОРОШИМ НАСТРОЕНИЕМ

Лидия Ильинична Орлова (по мужу Семенова) родилась в Москве. Отец ее был поваром, мать — домохозяйкой. На попечении родителей 12 детей: 4 дочери и 8 сыновей. Старшая среди них — Лидия.

В 1912 году она пришла на Центральную телефонную станцию Москвы. Здесь приобрела опыт самостоятельной работы, который очень пригодился, когда в августе 1919 года стала телефонисткой Верхнего кремлевского коммутатора.

Л. И. Орлова — член КПСС с 1919 года. Через всю жизнь она пронесла светлый образ Ленина, рядом с которым трудилась, выполняла его поручения.

Первые субботники В. И. Ленин назвал ростками коммунизма. Очень метко и очень правильно. Насколько мне помнится, Владимир Ильич всегда обращал внимание коммунистов, особенно руководителей, на силу примера лучших, на массовую активность трудящихся. Ведь при Советской власти они работали не на эксплуататоров, а на себя, на социалистическое общество.

Мне посчастливилось дежурить на коммутаторе в ночь с 30 апреля на 1 мая 1920 года. Владимир Ильич, перед тем как уйти из кабинета в свою квартиру, попросил меня разбудить его в 8 часов утра, так как он договорился с кремлевскими курсантами о совместной работе на Всероссийском субботнике. И поэтому, дескать, нельзя опоздать.

С нетерпением ждала наступления утра. Вот наконец стрелка часов доползла до цифры «8». Позвонила Владимиру Ильичу. В трубке слышу знакомый голос:

— Спасибо, товарищ. Я уже встал.

Не прошло и десяти минут, как Ленин появился на коммутаторе. Бодрый, веселый. Я даже удивилась: как

он мог за какие-нибудь 4—5 часов сна полностью восстановить работоспособность? На лице — ни капельки усталости. Живые проницательные глаза, приветливая улыбка.

Ни у кого я не видела такой обаятельной улыбки, какая светилась на лице Владимира Ильича. Никогда не забыть его постоянной готовности доброй улыбкой ободрить того или иного работника, посетителя, ходока-крестьянина, бескорыстного стремления тотчас же прийти на помощь товарищу.

На коммутаторе Владимир Ильич долго не задержался. Он попросил записать, кто и по какой надобности будет ему звонить. Если с фронта поступит срочная телефонограмма, сразу же его уведомить. И ушел.

Одет он был очень просто: рабочий костюм, русские сапоги, кепка.

Утро выдалось солнечное, по-весеннему теплое. Слышно было, как на плацу играл духовой оркестр. Под музыку лучше работалось.

Я узнала потом, Ленин наравне со всеми таскал бревна, не уступая молодым, трудился с хорошим настроением, много шутил с курсантами школы ВЦИК. Задорно командовал: «Взяли! Еще раз взяли!» Его энергия невольно заражала окружающих. А ведь Ленину было уже пятьдесят.

Помню, как после окончания субботника Владимир Ильич позвонил из квартиры:

— Никто ко мне не звонил, никто меня не спрашивал?

— Нет, Владимир Ильич,— ответила я.

Так все четыре часа, пока шел субботник, никто не помешал Ленину, как он шутливо выразился, «отдохнуть на работе».

Не забыть мне и такого случая.

В том же 1920 году я вышла замуж за курсанта школы красных командиров ВЦИК Ивана Семенова. Однако недолгой была наша совместная жизнь. Окончив школу, муж уехал на Туркестанский фронт. И не вернулся.

Весной следующего года у меня родилась дочь Надя. После декретного отпуска я пыталась определить дочку в детские ясли. Но с этим дело затянулось. Подошло время выходить на работу, а дочку оставить дома не на

кого. Решила брать ее с собой на дежурство, пока решится вопрос с детскими яслями.

Заступила на дежурство. Поставила два больших стула в простенок около кабинета Ленина. Соорудила на них постель и положила Надю. Попросила понаблюдать за девочкой свою напарницу Таню Быковскую. А сама стала работать.

Первое время Надя вела себя спокойно. Но вот она зашевелилась, задвигала ручонками, а затем заплакала. Таня Быковская подошла, перепеленала ребенка и снова положила, передвинула стулья ближе к стенным часам. Пусть, дескать, Надя смотрит на качающийся маятник и развлекается.

На коммутатор с пакетом в руках стремительно вошел Ленин.

— Пакет срочный. Отправьте, пожалуйста,— сказал он.

В эту минуту Надя громко заплакала. Владимир Ильич повернулся в ее сторону и удивленно спросил:

— Чей это ребенок?

— Мой, Владимир Ильич.

— Ваш? Как звать?

— Наденька,— ответила я.

— Надежда. Прекрасное имя!

Услышав голос Владимира Ильича, девочка перестала плакать, открыла глаза и широко улыбнулась.

В. И. Ленин спросил: почему я с ребенком пришла на работу?

Рассказала. Он записал что-то в свой блокнот и ушел. Спустя несколько минут меня вызвал управляющий делами Совнаркома Н. П. Горбунов и сказал, чтобы я не приходила на работу до тех пор, пока Надю не примут в детские ясли.

Так я и поступила. А уже дня через два-три дочка была принята в ясли, и я вышла на работу.

Встретив меня на коммутаторе, Владимир Ильич поинтересовался: как у меня дела? Приняли Надю в ясли? Ответила утвердительно и только хотела его поблагодарить, а он уже ушел в свой кабинет.

Прошло столько лет, но я хорошо помню первое дежурство у коммутатора. Слушала вызовы, отвечала на вопросы. Но чувствовала: что-то было не то, не хватало той уверенности, которая была у меня, когда работала

на Московской телефонной станции. Не укладывалось в сознании, что рядом, за дверью, находится вождь партии и народа В. И. Ленин. Да и непривычно как-то было произносить необыкновенное: «Товарища Ленина? Сейчас проверю. Да, у себя. Пожалуйста, соединяю вас с товарищем Лениным».

Однажды Владимир Ильич, зайдя на коммутатор, спросил, откуда меня прислали, есть ли опыт, а когда узнал, что я телефонистка со стажем, член партии, сказал:

— Очень хорошо. Вот тут я написал вам несколько записочек. Возьмите, пожалуйста. Предупредите товарищей. Почерк мой разберете? Давайте я вам прочитаю... Вы поняли? Все поняли? — И направился в свой кабинет, а у дверей вдруг обернулся: — Если не разберете, не постесняйтесь, пожалуйста, прийти.

Держала в руках записки Ленина, делала вызовы и чувствовала, как спадало напряжение, появлялась уверенность. Четко говорила: «Товарищ Ленин просит вас завтра в десять утра быть у него на приеме. Не забудьте, пожалуйста, ровно в десять утра».

На Верхнем кремлевском коммутаторе был создан спаянный, дружный коллектив. Это Нюра Руднева, Маруся Сыроешкина, Вера Макарова, Катя Абрамова, Люба Космачева, Клава Ягунова, Таня Быковская, Елена Степанова. Мы были тогда молодыми, неунывающими, веселыми. Трудились все до самозабвения. Да и нельзя было иначе. Ведь рядом с нами работал В. И. Ленин. Требовательность и дисциплинированность, выработанные Владимиром Ильичем в себе еще в ранней юности, давали ему законное право на такую же требовательность и дисциплинированность по отношению к другим. Он стремился воспитывать точность и аккуратность у всех работавших с ним товарищей.

Мы дежурили на коммутаторе сутками и всегда были готовы выполнить любое поручение Председателя Совнаркома, вождя Коммунистической партии.

К. Т. ЯГУНОВА

ПРАВДУ В ГЛАЗА

Клавдия Трофимовна Ягунова родилась в деревне Чагино Владимирской губернии. В 1909 году приехала в Москву и стала ученицей портнихи. Позднее перешла работать на Центральную телефонную станцию. В июне 1917 года вступила в партию. В мае 1919 года ее откомандировали в Кремль для работы на Верхнем коммутаторе. Клавдия Трофимовна с честью выполняла возложенные на нее обязанности.

Расскажу сначала о конфликте телефонисток с заместителем председателя Реввоенсовета республики Э. М. Склянским.

Склянский был решительным человеком. Если телефонный номер Ленина оказывался занятым, он в категорической и довольно грубой форме требовал немедленно освободить для него. Телефонистки отказывались это делать. Склянский угрожал арестом, привлечением к строгой ответственности.

Все телефонистки начали волноваться. Время было тревожное. Шла гражданская война. Правильно ли мы поступали? Может быть, действительно следовало выполнять требования Склянского? Решили обратиться к Ленину, спросить, как нам быть в дальнейшем. Написали обо всех своих трениях со Склянским и положили записку Владимиру Ильичу на стол.

Конечно, можно было бы обойтись без записки. Просто взять и рассказать Владимиру Ильичу. Однако это надо было делать кому-то одному, а на Склянского обижались почти все телефонистки. Решили написать записку, в которой подробно и обстоятельно изложили суть дела.

Утром Владимир Ильич пришел в свой кабинет, увидел на столе записку, прочитал и попросил меня соединить его со Склянским. Закончив разговор, обратился ко мне и сказал:

— Если товарищ Склянский и впредь будет допускать незаконные требования или проявлять грубость, поставьте меня об этом в известность.

Склянский больше не настаивал на разъединении номеров и стал вести себя в разговорах с телефонистками вежливо. Но и мы, телефонистки, когда этого требовала обстановка, сами соединяли Склянского с Лениным вне всякой очереди.

Владимир Ильич никогда не стеснялся говорить правду в глаза. Всей своей жизнью он показал пример умения по-коммунистически строить свои отношения с людьми, не поступаться истиной, партийными принципами.

Иногда Владимир Ильич просил нас не беспокоить его без крайней надобности. Выполнить, однако, просьбу его не всегда удавалось. Звонили ему очень часто, и почти все требовали срочного разговора.

В одно из моих дежурств Ленин зашел на коммутатор и попросил все звонки, предназначенные ему, адресовать в секретариат. (Как мы потом узнали, Владимир Ильич писал статью в газету.)

Минут через двадцать зазвонил телефон, в трубке послышался плачущий женский голос. Спросила, кто звонит и по какому вопросу. Женщина ответила, что у нее в семье случилось большое горе, что выручить семью из беды может только Ленин. Оказывается, ее муж — часовщик, работает в Кремле — два дня назад заболел и не смог вовремя завести стенные часы в кабинете Владимира Ильича. А комендант Кремля, не разобравшись толком, взял и арестовал его.

— Если бы муж не был больным,— с трудом говорила плачущая женщина,— разве бы он не завел часы!

Пожалуй, думаю, надо идти к Ленину, хотя он и просил, чтобы его не беспокоили. Дело серьезное. Зашла в кабинет, рассказала и спросила, что ответить этой женщине. Владимир Ильич, перестав писать, достал свои карманные часы, посмотрел на них, потом перевел взгляд на стенные часы и сказал, чтобы я его соединила по телефону с комендантом Кремля.

Через некоторое время женщина снова позвонила на коммутатор, но теперь уже по другой причине: она хотела поблагодарить Ленина.

Одно время на коммутаторе не хватало телефонисток. Работали с перенапряжением. Иногда по две смены. Владимир Ильич видел, как устают девушки, и принимал всевозможные меры к пополнению штата. Просил нас побольше бывать на воздухе в свободное от дежурств время.

В. И. Ленин говорил нам об отдыхе, а сам не знал этого отдыха. Как-то он появился на работе в воскресный день необычно рано. Поздоровался и ушел в кабинет. Примерно через полчаса входит к нам на коммутатор Дзержинский.

— Товарищи,— обратился он к нам.— Вы должны следить, чтобы Владимир Ильич не работал по воскресеньям. Немедленно звоните мне, если товарищ Ленин будет нарушать врачебный режим...

Однажды Владимир Ильич попросил меня сходить к нему на квартиру: на столе в столовой он забыл нужное ему письмо.

Зашла в столовую и услышала голос Крупской:

— Кто там?

Отозвалась и объяснила, зачем пришла. Надежда Константиновна вышла ко мне, взяла письмо со стола, вручила его мне и попросила:

— Скажите, пожалуйста, Владимиру Ильичу, что к обеду обещал приехать Глеб Максимилианович. Пусть постарается прийти на пять минут раньше.

В точности передала просьбу Надежды Константиновны. Но как трудно было Владимиру Ильичу в то время выкроить эти пять минут! Ведь он дорожил не только минутами, но и секундами.

Помнится, зашел Владимир Ильич на коммутатор и говорит:

— Позвоните, пожалуйста, Надежде Константиновне и скажите, чтобы она приехала обедать.

Я позвонила. Крупская выслушала и попросила сообщить Владимиру Ильичу, что она занята и, к сожалению, на обед приехать не сможет. Сообщила, а Ленин снова попросил позвонить ей и сказать, что он тоже очень занят и пообедать можно позднее. Пусть, дескать, скажет, когда освободится, он будет ее ждать.

Крупская ничего не ответила Ленину, но через 20—30 минут после разговора по телефону я увидела ее в ленинском кабинете. Значит, не хотела допустить, что-

бы по ее вине Владимир Ильич нарушил распорядок дня, режим питания, который предписывали лечащие врачи.

Еще раз хочется повторить, что каждая минута и даже секунда у Владимира Ильича была на строгом учете. Время трудное. Хлеба в обрез, топлива почти нет. Кругом разруха. И борьба. Беспощадная борьба: с интервентами и белогвардейцами, с эпидемиями и голодом. Надо было во что бы то ни стало выстоять. Не только выстоять, но и победить. И Ленин трудился над решением этой задачи, не щадя своих сил и жизни. Воодушевлял трудящихся. Чем тяжелее становилось Советской власти, тем резче он об этом говорил народу, партии, пролетариату всего мира.

Время оставило нетронутым в моей памяти неповторимый образ Владимира Ильича, сохранило его таким, каким он был тогда, в 1919—1922 годах, когда я видела вождя в кабинете за рабочим столом.

А как радовался Владимир Ильич каждой победной весточке! Помню, 25 февраля 1921 года Орджоникидзе прислал телеграмму: «Реет над Тифлисом красное знамя Советской власти. Да здравствует советская Грузия!»

Как только эта телеграмма была получена, секретарь ВЦИК А. С. Енукидзе позвонил на коммутатор и попросил меня срочно соединить его с Лениным.

— Экстренное сообщение,— сказал он.

— Владимир Ильич на заседании Совнаркома,— ответила я.

— Тогда передайте Владимиру Ильичу, что Грузия стала советской! — сказал Енукидзе.— Передайте лично Ленину. Больше никому об этом не говорите.

На листке бумаги я написала: «Владимир Ильич! Товарищ Енукидзе просил Вам сообщить, что Грузия стала советской». Поставила дату, время, расписалась и пошла в зал заседаний Совнаркома. Молча положила перед Лениным свою записку. Он ее быстро прочитал, прервал заседание и громко, ликующе объявил:

— Товарищи! Поступило сообщение, что Грузия стала советской!

Присутствующие в зале встретили эти слова аплодисментами.

До конца смены работала я в хорошем, приподнятом

настроении. Мне все время слышался радостный голос Ленина: «Грузия стала советской!».

Вспоминается, как моя старшая сестра, Ксения Трофимовна, работавшая портнихой, по просьбе Крупской штопала костюм Владимиру Ильичу, а Надежде Константиновне шила платье из бумажной ткани, черный сарафан, полотняную панамку; Дмитрию Ильичу — верхнюю рубашку. Ситец, предназначенный для Д. И.Ульянова, оказался такого качества, что для верхней рубашки совершенно не годился. Об этом Ксения сказала Надежде Константиновне. Та со вздохом ответила:

— Что поделаешь. Пока и этот ситец хорош. Сейчас трудное время.

Когда сестра работала в семье Ульяновых, в кремлевской квартире, с ней довольно часто, задушевно разговаривала Надежда Константиновна. Она была исключительно деликатной и обаятельной женщиной. Все удивлялась, как это Ксения могла так искусно заштопать одежду, с одной примерки сшить платье, рубашку или брюки без доделок.

Комнату, где размещался Верхний кремлевский коммутатор, называли обычно будкой. В самом начале работы Ленина в Кремле у него не было в кабинете телефона для междугородных переговоров. Владимиру Ильичу приходилось вести междугородные переговоры из будки, которая находилась в небольшой угловой комнате, где помещался коммутатор.

Туда могли входить только люди, которые были занесены в особый список, помещенный в рамке под стеклом на наружной стороне двери. Помнится, что в списке значились фамилии В. И. Ленина, Н. К. Крупской, М. И. Ульяновой, Л. А. Фотиевой и телефонисток.

Стены будки были окрашены светло-зеленой (фисташковой) краской. В полукруглой наружной стене комнаты — два окна с занавесками. Перед окном с левой стороны стоял небольшой деревянный, обитый красным плюшем диван под парусиновым чехлом. На левом откосе этого окна висел полевой телефон, по которому мы, телефонистки, а иногда и сам Ленин, вызывали самокатчиков, то есть курьеров, развозивших почту на велосипедах.

В простенке, между окнами, размещался коммутатор на 120 номеров системы «ЦБ». Здесь стоял стул для дежурной телефонистки.

Кабинет Ленина вызывался по номеру 35, квартира — по номеру 31. Перед окном стоял небольшой канцелярский стол, стулья и под столом — корзинка для бумаг. На столе лежал журнал для записей поручений Владимира Ильича, стояли кувшин с водой и чернильный прибор.

Верхний кремлевский коммутатор бесперебойно обеспечивал связью кабинет Ленина.

Где бы мне ни приходилось трудиться, я всегда училась у Владимира Ильича трудолюбию, чуткости и партийности. Вождь партии и народа не раз говорил, что перед нами одна дорога — дорога революционной борьбы.

А. Н. РУДНЕВА

ОГОНЬКИ

Анна Николаевна Руднева родилась в Москве в семье рабочего Трехгорной мануфактуры. Когда выросла, приобрела специальность телефонистки, стала работать на Центральной телефонной станции. Среди своих подруг по работе она была самой юной. В начале мая 1919 года ей посчастливилось перейти на Верхний кремлевский коммутатор. В январе 1923 года А. Н. Руднева вступила в члены Коммунистической партии.

Первое дежурство на Кремлевском коммутаторе. Ленина я тогда еще вблизи не видела. И вот он зашел на коммутатор. Заметил меня, приветливо поздоровался и сказал:

— Новенькая? Ну и отлично.

Прошло часа два-три. Старшую дежурную телефонистку куда-то срочно вызвали. Я осталась у коммутатора одна и вдруг снова вижу — вошел Ленин.

Видимо, Владимир Ильич понял мое волнение, тут же стал разъяснять: у кого надо узнать, где находится нарком здравоохранения Н. А. Семашко, если его нет в служебном кабинете.

Доброжелательность Ленина подействовала на меня успокаивающе. Я быстро выполнила его поручение и почувствовала, что здесь хорошо трудиться.

Вскоре я оказалась невольной свидетельницей встречи Ленина с Горьким. Было это в одно из воскресений. День клонился к вечеру. Вызовы на коммутатор поступали редко. Вдруг открылась входная дверь. Вошел Горький. Не один, а с сыном. Наверное, они хотели узнать у нас, занят ли Владимир Ильич. А он как раз появился. Радостно обнял Алексея Максимовича. Так в обнимку и ушли в кабинет.

Владимир Ильич хорошо знал своих сотрудников. Они для него — товарищи по совместной государственной и партийной работе. И мы, телефонистки, постоян-

но чувствовали, что нужны Ленину в его большом деле.

Каждый из нас, конечно, понимал, что деятельность Ленина была просто немыслима без телефонной связи. За день он успевал поговорить со многими ответственными работниками, послать не одну телефонограмму. А кроме того, отправить запечатанные письма...

Труд телефонистки был нелегким. Владимир Ильич прививал нам сознательное отношение к делу. Учил нас выполнять свои обязанности по-партийному, осмысленно.

Он ценил работу телефонисток Верхнего кремлевского коммутатора. И у него не было к нам претензий. А вот работой коммутатора нижнего этажа Кремля он был недоволен. В телефонограмме из Горок Владимир Ильич просил М. И. Калинина, А. С. Енукидзе и В. А. Смольянинова обратить внимание на неудовлетворительную работу Нижнего коммутатора.

Во время своих дежурств в кабинете В. И. Ленина чаще других я видела Ф. Э. Дзержинского.

Мы, телефонистки, знали, какой важный пост занимал Дзержинский, старались быстро удовлетворять его просьбы. И все же Феликс Эдмундович был иногда недоволен нашими действиями. Ему казалось, что девушки не торопятся соединить его с кабинетом Ленина.

Приходит как-то Феликс Эдмундович к Владимиру Ильичу, а тот занят разговором по телефону с Чичериным. Дзержинский решил не мешать ему и зашел к нам, телефонисткам. Сел на стул и стал смотреть, как я действую у коммутатора. Прошло минуты две-три, он и говорит:

— Не знал, что вы так быстро работаете. Даже уследить трудно. Я, видимо, незаслуженно вас иногда обижал. Не сердитесь на меня.

С тех пор Ф. Э. Дзержинский частенько стал интересоваться, как мы живем, учимся, как помогаем в работе Ленину. Просил нас беречь Владимира Ильича. А что мы могли сделать? Он засиживался в кабинете до двух часов ночи. Да и уходил домой почти всегда с книгой или с папкой документов. Видимо, и дома не сразу ложился спать, работал.

Немало огорчений Ленину доставляли междугородные переговоры. Тогда еще на линиях связи не было

должного порядка. Особенно часты были помехи при вызове Смольного.

Стала я как-то по просьбе Ленина вызывать Смольный, а тот не отвечал. Потом ответил, но через одну-две минуты наступила пауза — нас разъединили.

— Да выругайте их как следует,— сказал мне Владимир Ильич.

— Еще не научилась ругаться,— говорю я.

— Придется ругаться мне, а вы повторяйте за мной...— И стал диктовать:— Председатель Совнаркома не может спокойно переговорить по телефону. Это черт знает что такое. Если еще раз разговор со Смольным будет прерван, то все дежурные телефонистки на линии связи будут арестованы за саботаж.

Я осмелела и добавила от себя, что за плохую связь все телефонистки междугородной линии будут отправлены на Лубянку, в ВЧК.

Владимир Ильич рассмеялся:

— Великолепно, товарищ Руднева. Теперь связь непременно будет хорошей.

И она, действительно, была хорошей. Ленин спокойно и обстоятельно переговорил по всем вопросам с товарищами в Смольном.

Навсегда запечатлелись в моей памяти «ходоки» с Тамбовщины. Я как дежурная принесла в секретариат пакет и увидела там крестьян. Все рослые, с бородами. Сидят чинно и вполголоса переговариваются. Ждут, когда их позовут к Ленину.

И вот Лидия Александровна Фотиева просит крестьян пройти в кабинет Владимира Ильича. Они вдруг сбились в кучу, заволновались. Не решат, кому заходить к Ленину первым — самому старшему или самому грамотному. Наконец, договорились. Построились гуськом и пошли. Один из «ходоков», прежде чем переступить порог кабинета, истово перекрестился.

Вернулась на коммутатор. А через некоторое время на имя Ленина поступила срочная телефонограмма. Понесла ее в кабинет и там увидела тех же «ходоков». Куда девалась их робость! Не узнала крестьян. Они словно переродились. Лица веселые, живые. Сидят полукругом. Слушают Ленина... Потом Владимир Ильич начал задавать им вопросы. Взял какую-то книгу со стола, порекомендовал крестьянам захватить с собой в дерев-

нию, познакомить с ней односельчан. Они согласно кивали головами. Ленин и крестьяне хорошо понимали друг друга.

Владимир Ильич умел вникать в житейские нужды товарищей по работе, а в своей личной жизни довольствовался самым необходимым и самым малым. Довольствоваться малым — эта черта у него была выработана многотрудной жизнью в детские и юношеские годы, а затем в период сибирской ссылки и эмиграции, в пору подполья и революции.

Однажды Ленин поинтересовался, есть ли у нас комната отдыха. Ответили, что такой комнаты пока нет.

— Где же вам можно оборудовать комнату отдыха? — спросил Владимир Ильич.

Мы были подготовлены к такому вопросу, показали подходящее помещение, и у нас вскоре появилась хорошая комната отдыха.

У Владимира Ильича был особый подход к людям, к их делам и поступкам. Попросил он как-то меня сходить на квартиру за книгой. Дал свой ключ. А часовой не пропустил меня. Вернулась с заплаканными глазами. Обидно было, что не выполнила ленинское поручение.

— Знаете, товарищ,— сказал Владимир Ильич,— давайте не будем обижаться на часового. Он действовал по инструкции.

И так стало легко от этих простых слов...

Все мы знали, что Ленин был занят массой неотложных текущих дел. Он выглядел порой очень усталым. Этого нельзя было не заметить. Однако на нездоровье или чрезмерную перегруженность в работе не жаловался.

Никакие самые большие дела — государственные, партийные — не мешали Ленину заботиться о людях.

От души хотелось и нам всякий раз чем-то порадовать Владимира Ильича. И как только поступали отрадные телефонограммы, мы тотчас вручали ему. Передали однажды извещение о постройке крестьянами небольшой сельской электростанции в селе Батищево, на Смоленщине. И надо было видеть, как обрадовался Владимир Ильич! Прочитал и восторженно сказал, что это — практическое приобщение деревни к новой культуре.

Тут же позвонил наркому земледелия и посоветовал смелее продвигать электричество и технику в деревню.

Мне посчастливилось слушать доклад В. И. Ленина и его ответы на вопросы и записки делегатов VIII съезда Советов.

Я впервые присутствовала на публичном выступлении Владимира Ильича и поэтому, естественно, вникала в смысл каждой его фразы, каждого слова. Раньше почему-то думала, что ленинской речи с трибуны мне не понять. А тут оказалось все так просто и понятно! Сначала Ленин изложил внешнюю и внутреннюю политику партии и правительства. Потом подвел итоги уже проведенных со времени VII Всероссийского съезда Советов мероприятий по восстановлению промышленности, транспорта и сельского хозяйства. Указал на основные задачи, стоявшие перед Советским государством в связи с окончанием гражданской войны.

Отчетливо поняла, что восстановление народного хозяйства встретило на своем пути громадные трудности. Размеры разрухи после войны были огромны. Большинство фабрик и заводов стояло, рудники и шахты были затоплены. Численный состав рабочих в промышленности намного сократился. Страну душили голод и эпидемии. В этих условиях требовались исключительное напряжение сил и мобилизация средств Советской республики.

Еще перед открытием заседания мне удалось пробраться в боковую ложу. Отсюда хорошо было видно все — и как говорил Ленин, и как реагировали в зале товарищи. Не только я, но и все делегаты, приехавшие из разных уголков Советской России, слушали вождя затаив дыхание. Вот они бурно приветствуют слова В. И. Ленина о том, что на трибунах всероссийских съездов впредь будут появляться не только политики и администраторы, а преимущественно инженеры и агрономы. Владимир Ильич советовал двигать инженеров и агрономов вперед, учиться у них, превращать съезды и совещания в школу строительства социализма.

Говоря об электрификации России, Владимир Ильич поднял над трибуной томик с планом ГОЭЛРО и сказал, что ему нетрудно будет убедить делегатов в особенном значении этого томика: «На мой взгляд, это — наша вторая программа партии» [1].

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, стр. 157.

Как сейчас, вижу лица делегатов. Сосредоточенные, решительные и в то же время озабоченные. Каждому, должно быть, виделась Россия в огнях новостроек. А когда Владимир Ильич, указав на карту европейской части России, висевшую в глубине сцены, вдохновенно произнес: «*Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны*»[1], зал взорвался громом аплодисментов.

Если Россия, говорил Ленин, станет страной сплошной электрификации, то наше коммунистическое хозяйство явится образцом для будущего социалистического строительства в Европе и Азии.

Это был своеобразный съезд. В зале едва светились красноватым накалом лампочки. Куда ни глянешь — поношенные пальто рабочих, крестьянские полушубки и зипуны, кое-где кожанки, а в большинстве — солдатские шинели. Землистые лица, впалые щеки — печать голодного времени, напряженного труда, фронтовой жизни.

Каким мне больше всего запомнился В. И. Ленин?

В рабочем кабинете за столом, в накинутом на плечи пальто. Здесь, в кабинете, всегда было прохладно, хотя жаловаться на истопника не приходилось, он регулярно в установленные часы топил печь.

Иногда Владимир Ильич отрывался от работы, брал железную кочергу и поправлял в печке дрова. Зайдешь порой в кабинет и видишь, как он, присев на корточки, смотрит на тлеющие угли, на сверкающие огоньки. О чем-то думает. Такое у него лицо доброе! Тревожить не хочется.

И вдруг спросит:

— Вы ко мне, товарищ?..

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, стр. 159.

В. В. МАКАРОВА

ЗАРЯДКА НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Вера Владимировна Макарова родилась в Москве. Трудовую жизнь начала в среде рабочих фабрик «Большевик» и «Дукат». С энтузиазмом встретила Великий Октябрь. Поверила в успех революции, в большевиков.

Работала она на Центральной телефонной станции. В феврале 1921 года вызвали ее к комиссару.

— Из Совнаркома поступил запрос откомандировать одну из лучших телефонисток в Кремль,— сказал комиссар.— Выбор пал на вас, товарищ Макарова. Желаю успеха!

Вера Владимировна попрощалась с подругами по работе и направилась в Кремль.

По пути в Кремль мне припомнились первые встречи с Лениным...

Это было в 1918 году. Я пришла на собрание, которое состоялось в Алексеевском народном доме. Здесь Владимир Ильич выступал перед рабочими «Трехгорки», Александровской железной дороги и завода «Дукс». Запомнился тогда его призыв: объявить беспощадную борьбу спекулянтам и контрреволюционерам, делавшим ставку на удушение Советской власти террором и голодом.

Второй раз увидела Ленина опять в Алексеевском народном доме, где в декабре того же года проходила рабочая конференция Пресненского района. В своей речи он говорил о международном положении и об отношении к мелкобуржуазным демократическим партиям.

Таким образом, в какой-то мере я была уже знакома с Лениным. Представляла его внешность, манеру говорить. Но какой он в повседневной, будничной жизни?..

Первые же дни работы на коммутаторе в Кремле убедили меня в том, что Владимир Ильич очень вежлив, но требователен.

Расскажу, как выполняла первое поручение Ленина. Выслушала его и хотела было уже идти на коммутатор. А он задержал и попросил повторить то, что поручил мне сделать. Я сказала, что все хорошо запомнила, все сделаю как надо.

Однако Ленин настоял на том, чтобы я повторила. Быстро начала перечислять фамилии товарищей, которых надо было вызвать к нему. Когда назвала последнюю фамилию, он сказал:

— А вот и неправильно! Французские фамилии произносятся с ударением на последнем слоге.

Так сразу же я была посрамлена Владимиром Ильичем в своей самоуверенности. Только убедившись, что стала я фамилию произносить правильно, он похвалил:

— Теперь хорошо. Французский товарищ не обидится.

Меня всегда удивляли такт и выдержка, которыми обладал Ленин. Сколько же он расходовал энергии, времени, пока молодые и малоопытные сотрудники становились для него дельными помощниками!

Характерно, что Владимир Ильич редко прибегал к суровым наказаниям сотрудников за ошибки, допущенные по неопытности или по недостатку знаний. Не ошибается только тот, говорил он, кто ничего не делает. Но для того, чтобы ошибок было меньше, необходимы контроль и проверка.

Стоит только вспомнить о тех многочисленных поручениях, которые по заданию Ленина выполняли работники секретариата Совнаркома, или прочитать его записки, адресованные различным лицам, и станет видно самое главное — стремление Владимира Ильича безотлагательно знать, как выполняется то или иное правительственное решение.

Бывало, звонит Чичерин Владимиру Ильичу, а тот занят разговором с другим товарищем. Тогда Чичерин просит записать телефонограмму и лично передать Владимиру Ильичу. «Только ему, и никому другому»,— добавляет он. И не уходит из своего кабинета, пока не получит ответа от Ленина.

Однажды Владимир Ильич принял в моей судьбе личное участие. Случилось это так. Телефонистка, которая должна была меня сменить на дежурстве, заболела и не вышла на работу. Пришлось подряд дежурить две

смены. Прошел день, миновала ночь, а утром со мной сделалось плохо. Неожиданно исчезла речь. Все вижу, чувствую, а ни слова не могу произнести. Перепугалась страшно. Прибежала в секретариат Совнаркома. Дежурный секретарь смотрит на меня и никак не поймет, в чем дело. Написала на бумажке, что не могу говорить. В тот же день меня положили в больницу.

А когда на работу пришел Ленин и узнал о моей болезни, он сразу же распорядился, чтобы меня немедленно перевели в дом отдыха «Архангельское».

Так я впервые при Советской власти оказалась в доме отдыха. Позаботился об этом Ленин.

Меня часто навещали подруги по работе. Они говорили, что обо мне их спрашивал Владимир Ильич:

— Ну, как там наш молодой товарищ? Поправляется?

До слез была я тронута заботой Ленина.

После болезни вернулась на работу. Владимир Ильич спросил:

— Как здоровье, товарищ? Поправили? — И добавил: — Не перегружайте себя. Вы еще так молоды. Вам придется чрезвычайно много работать. И учитесь, учитесь. Как вам это будет нужно!

Сколько времени прошло с тех пор, а так вроде бы и слышу знакомый голос...

Нередко мы, телефонистки, были свидетелями того, что Владимир Ильич при всей своей огромной занятости находил время принять «ходоков»-крестьян из дальних мест, рабочих с фабрик и заводов. Многочисленные посетители шли в Кремль и настаивали: «Только к Владимиру Ильичу!»

Убедить людей, что Ленин занят, что в их деле хорошо разберутся его помощники, было почти невозможно.

Самые памятные воспоминания о Ленине связаны у меня с I Всероссийским съездом работниц, на котором я слушала его выступление.

Владимир Ильич появился в Доме Союзов на четвертый день работы съезда. Выступил с речью. Разъяснил делегаткам, что в стране нельзя будет построить социализм, если основная, подавляющая часть трудящихся-женщин не примет в нем активного участия. Веками внушалось, что женщина — домашняя рабыня. Ни в одном государстве в мире не было полного равноправия

женщин. Задача Советской власти — уничтожить все ограничения их прав.

Особое внимание в своей речи Ленин уделил борьбе с религиозными предрассудками в деревне. Советовал бороться с ними осторожно, путем пропаганды и просвещения, не притесняя верующих.

Союзниками церковников были нищета и темнота деревни. Ленин призвал делегаток бороться решительно с этим злом.

Запомнились и такие слова Владимира Ильича: «...Женщина задавлена своим домашним хозяйством, и от этого положения ее может спасти только социализм» [1].

Он говорил тепло, проникновенно. Его слова находили у делегаток живой отклик. Большевики открывали женщине путь к счастью.

В конце заседания женщины преподнесли Владимиру Ильичу букет красных цветов. Тот горячо пожал им руки. Одна из женщин растроганно сказала:

— Владимир Ильич! Не мне вы руку пожали, а всем обездоленным и униженным женщинам России!

С трибуны съезда прозвучал призыв: «Откроем лица, женщины Востока, свежему ветру социалистической революции!»

Владимир Ильич горячо аплодировал этим словам. Многие женщины в зале смахивали слезы, слушая выступления подруг, словно рассказы о своей личной жизни.

I Всероссийский съезд работниц показал, что они — за новую жизнь. Возврата к прошлому не могло быть. Строительство социализма становилось кровным делом женщин Советской России.

Все, кому довелось видеть В. И. Ленина, беседовать с ним, навсегда сохранили к нему самые светлые, самые возвышенные чувства.

Владимир Ильич отличался необычайной чуткостью, искренним уважением к людям. Телефонистки Верхнего кремлевского коммутатора ощущали это повседневно.

Было воскресенье. На коммутаторе дежурили мы с Таней Быковской. Ленина в кабинете не было. Решили позавтракать. Только наполнили кружки чаем, сделали

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 186.

по одному-два глотка, как открылась дверь и на пороге появился Владимир Ильич.

— Кажется, я вам помешал,— сказал он, повернулся и вышел.

Неудобно было нам перед Владимиром Ильичем. Знали, что зря бы он на коммутатор в такой ранний час не пришел. Значит, срочно требовалось куда-то позвонить или дать какое-либо поручение.

Пригорюнились. Сидим. Минут через пятнадцать он пришел снова. Попросил вызвать машину из гаража. И поручил отправить в Харьков две срочные телефонограммы. Потом смущенно сказал:

— Извините, пожалуйста, помешал вам позавтракать.

Большой школой жизни стала для меня работа на Верхнем кремлевском коммутаторе.

Самой характерной чертой Владимира Ильича была необыкновенная трудоспособность. Зайдешь, бывало, к нему вечером по какому-либо срочному делу, а он сидит за столом, работает с настольной лампой. Люстру не включал. Электричество экономил. Уходя из кабинета, обязательно гасил свет.

Запятый с утра до позднего вечера всевозможными делами, Владимир Ильич не умел как-то заботиться о себе, но зато был очень внимателен к другим. Если кому-то трудно, кто-то терял веру в свои силы, он считал своим долгом непременно отозваться, помочь, поддержать.

Хочу подчеркнуть еще одну деталь. Давая задание, Владимир Ильич всегда пристально смотрел в глаза собеседнику, будто читая его мысли. Только о чем-то подумаешь, а он уже об этом как раз и говорит...

Работа на Верхнем кремлевском коммутаторе доставляла мне и моим подругам много радостей. И где бы мы ни работали потом, всегда старались быть впереди, шли по жизни с образом Ленина в сердце. Встречи с Лениным дали нам зарядку на всю жизнь.

5 Заказ 2484

Т. Н. БЫКОВСКАЯ

ОДУХОТВОРЕННОСТЬ

Татьяна Николаевна Быковская (по мужу Тихомирова) родилась в Москве в семье юриста. С золотой медалью окончила женскую гимназию.

Первые навыки работы в советских учреждениях она приобрела в Клинском уездном исполкоме в должности секретаря и следователя уголовно-следственной комиссии ВЧК. В коллективе Верхнего кремлевского коммутатора — с сентября 1920 года.

До прихода на Верхний кремлевский коммутатор я представляла В. И. Ленина величественным и недоступным. Когда же увидела его, он оказался на вид обыкновенным человеком, просто одетым, очень приветливым. Поразило только лицо — одухотворенное, с глазами, озаренными каким-то внутренним светом.

Памятным событием в моей жизни явился XI съезд РКП(б). Я оказывала техническую помощь в работе президиуму съезда и слушала выступление Владимира Ильича...

Съезд открылся 27 марта 1922 года. Делегаты в едином порыве поднялись со своих мест и долго-долго аплодировали Ленину, появившемуся на трибуне.

Владимир Ильич пытался остановить восторженные овации делегатов. Но ему это не удавалось. Он достал часы, показал на циферблат — и это не помогло. Тогда, невзирая на овации и возгласы приветствия, он начал свою речь.

В зале вдруг стихло. Уже первыми словами Ленин приковал внимание всех делегатов. Ведь он умел говорить о сложнейших вопросах политики, не прибегая к красивым фразам,— просто, ясно, глубоко.

Хорошо запомнилась часть речи, где говорилось, что партия непобедима, если она не боится критики и самокритики, не скрывает своих недостатков и своевременно исправляет их. Все революционные партии, заявил Вла-

димир Ильич, которые до сих пор гибли, гибли оттого, что зазнавались и не умели видеть, в чем их сила, и боялись говорить о своих слабостях. А мы не погибнем, потому что не боимся говорить о своих слабостях и научимся преодолевать слабости.

Мне показалось, что Владимир Ильич нисколько не изменился за время отсутствия в Кремле. Все тот же стремительный полет его мысли, все та же ритмичность и уверенность жестов. С трибуны XI съезда он видел вершины наших будущих достижений и призывал неустанно за них бороться.

Незабываемый образ... Никогда не изгладится он из моей памяти.

Во время дежурств нам, телефонисткам, приходилось нередко видеть Владимира Ильича, разговаривать с ним по служебным вопросам. Бывало, получишь телефонограмму, а он на прогулке. И в таком случае спешили вручить ему. Всегда замечали, каким веселым и вроде бы помолодевшим возвращался Ленин с прогулок.

Однажды в Кремле была проведена проверка боевой готовности школы красных командиров ВЦИК.

Глубокая ночь. Вызовы на коммутатор поступали редко, и я читала газету. Тут слышу захлопали дверями, по всему зданию раздались звонки. Тревога! Глянула в окно — на площади курсанты устанавливают пушки. Неужели, думаю, на Кремль нападение? И вдруг почувствовала: на плечо мягко легла чья-то рука. Обернулась, а это Владимир Ильич.

— Что, испугались? — И объяснил: — Ничего страшного не происходит. Это проверка готовности курсантов на случай настоящей боевой тревоги.

С облегчением вздохнула.

Чем больше соприкасалась я по работе с Лениным, тем острее чувствовала, какая ответственность, какая забота ложится на его плечи обо всех нас, о нашем молодом Советском государстве. И каждое ленинское поручение хотелось выполнить еще лучше. Все мы были счастливы от одного сознания, что можем сделать, пусть хоть маленькое, дело для народа. Ленин научил нас, девятнадцатилетних, самозабвенно трудиться, любить и уважать людей. Это осталось на всю жизнь.

В памяти запечатлелись кронштадтские события 1921 года. Владимир Ильич в этот период часто говорил

с Петроградом по прямому проводу. В одну из тревожных ночей он почти не отдыхал, все ждал вестей из Кронштадта, а они не поступали. Уже под утро он ушел из рабочего кабинета на квартиру.

Только дверь кабинета закрылась за Владимиром Ильичем, как раздался звонок из Реввоенсовета республики. Передали, что на имя главкома для Ленина из Петрограда поступила срочная телеграмма, ее выслали в Кремль с самокатчиком...

Обрадовалась я. Однако беспокоить Владимира Ильича не решилась, а позвонила брату Ленина — Дмитрию Ильичу, который в то время жил в квартире Ульяновых.

Не прошло и пяти минут, как на коммутатор позвонил Владимир Ильич. Волнуясь, спросил:

— Есть ли телеграмма? Почему до сих пор нет ее?

Ничего не могла я ответить Владимиру Ильичу. Сама недоумевала. А он потребовал, чтобы телеграмма была немедленно ему доставлена.

К счастью, самокатчик вскоре прибыл. Пошла на квартиру и вручила Ленину долгожданную телеграмму, в которой говорилось, что 18 марта 1921 года цепи революционных бойцов, одетых для маскировки в белые халаты, пробились по хрупкому льду Финского залива к главным фортам Кронштадтской крепости и взяли ее штурмом.

Партии, народу Ленин посвятил всю свою жизнь. А его жизнь — это раскрытая книга, в которой каждый найдет для себя много полезного, сокровенного и дорогого, согретого думами и сердцем первого большевика нашей планеты.

Л. Д. КОСМАЧЕВА

САМОЕ ГЛАВНОЕ

Любовь Давыдовна Космачева родилась под Петроградом, в Царском Селе, в семье ремесленника. Рано познала тяжелый подневольный труд. После смерти отца совсем еще молоденькой вынуждена была пойти работать швеей, помогать матери содержать младших братьев и сестер.

Замуж Любовь Давыдовна вышла за П. С. Космачева, который был одним из шоферов В. И. Ленина. В конце 1922 года Любовь Давыдовна стала работать телефонисткой на Верхнем кремлевском коммутаторе. В том же году вступила в партию.

Дежурные телефонистки на коммутаторе менялись довольно часто. Это было неудобно. Не оставалось свободных часов для семьи, для учебы. И тогда, обменявшись мнениями, телефонистки установили суточное дежурство, что давало каждому большие преимущества: сутки отдежуришь — трое отдыхаешь.

Об этой «реформе» Ленин не знал. Встретившись с одной из телефонисток в течение рабочего дня несколько раз, он озабоченно спросил:

— Что это вы так долго дежурите?

Объяснение внимательно выслушал и хитро улыбнулся:

— Суточное дежурство... А ведь это совсем неплохо.

Потом расспрашивал, как питаемся во время дежурства, много ли бывает за сутки вызовов.

Сам Владимир Ильич уходил домой очень поздно. А прощаясь с телефонистками, ободряюще добавлял:

— Отдыхайте.

После его ухода вызовы на коммутатор поступали редко. Дежурить можно было одной телефонистке. И вот однажды Елена Степанова пошла отдыхать в кабинет Владимира Ильича. Улеглась там на диване. Прошло не больше 10—15 минут, у двери послышались чьи-то ша-

ги. Поднявшись с дивана, Степанова увидела Ленина. Страшно смутилась, растерялась, хотела что-то сказать...

— Отдыхайте, отдыхайте,— начал успокаивать ее Владимир Ильич.— Я лишь на одну минутку. Забыл нужную книгу.

Но Степановой было уже не до отдыха. Она вернулась на коммутатор. Прошла минута, другая... Ленин заглянул туда:

— Я ухожу. Идите отдыхайте!

А через два дня по распоряжению Владимира Ильича в помещении коммутатора был поставлен диван.

Много-много раз мы слышали это доброе ленинское слово «отдыхайте».

Мне думается, что самым главным, самым характерным для Ленина была его неиссякаемая любовь к трудящемуся человеку. Он глубоко уважал простых людей и всю жизнь неутомимо боролся за их светлую долю и счастье.

Когда я заходила в кабинет к Владимиру Ильичу и приносила поступившие на его имя телефонограммы, он говорил: «Оставьте». Если поручал что-либо сделать, непременно спрашивал: «Усвоили?» Как-то я, сообщая Ленину содержание телефонограммы из Харькова, допустила ошибку. Он предупредил, что впредь будет строго взыскивать за неточную информацию.

Мы знали, какую огромную заботу проявлял Владимир Ильич о развитии средств связи — радио, телеграфа, телефона. При его непосредственной помощи Нижегородская радиолаборатория стала, по существу, первым научно-исследовательским институтом в области радио. С большим интересом мы, телефонистки, читали тогда журналы «Радиотехника», «Телеграфия и телефония без проводов», издававшиеся этой лабораторией.

Сколько было радости и ликования у нас, молодежи, когда состоялся двусторонний радиотелефонный разговор Москвы с Берлином. В то время Советская республика установила мировой рекорд по расстоянию радиотелефонной передачи.

Это были крупинки первых успехов. В основном же телефонная техника тогда была далеко еще не совершенной. Иной раз, видя на наших лицах огорчение из-за

плохой слышимости по телефону, Владимир Ильич говорил:

— Дайте срок. Будут и у нас хорошие, даже отличные отечественные телефонные аппараты. Обязательно будут!

Многое о Ленине я узнавала от своего мужа, который почти семь лет возил Владимира Ильича на машине. Сколько было за это тревожное время пережито!..

В 1924 году по Ленинскому призыву П. С. Космачев вступил в Коммунистическую партию. Я всегда с большим волнением перечитываю отзыв о нем Н. К. Крупской. Этот отзыв она написала в 1938 году. Вот он: «Тов. Космачев Петр Сидорович начал работать у Владимира Ильича с августа 1918 года. С тех пор тов. Космачев ездил с Владимиром Ильичем, обслуживал всю нашу семью. После смерти Владимира Ильича ездил со мной и Марией Ильиничной. ...Я знаю его как опытного, честного, добросовестного и преданного работника и товарища».

Петр Сидорович очень грустил по Владимиру Ильичу. По выходным дням его тянуло за город, к ленинским местам. Здесь он взволнованно рассказывал о Ленине — Человеке с большой буквы. Однажды мы с ним бродили в окрестностях Горок, и он показал мне лужайку, на которой они отдыхали вместе с Владимиром Ильичем после охоты. Отдохнув, говорит, решили «подкрепиться»: ели натертую луковицей горбушку хлеба...

Как-то мы шли с мужем по лесу и вдруг увидели сидящего на пеньке зверька.

— Выхухоль,— сказал Петр Сидорович.

Я впервые услышала такое название. Муж пояснил:

— Выхухоль — современник мамонта, редкий зверек. Из-за великолепного меха хищнически истреблялся. Находился на грани полного исчезновения.

— Откуда это тебе известно? — спросила я.

Он улыбнулся:

— Вот так же, как я тебе, мне рассказал об этом Ленин. В 1920 году он подписал специальный декрет, по которому ценный пушной зверь был взят под охрану Советского государства.

Одно время под надзором Петра Сидоровича находилась собака по кличке Фрина, присланная в подарок Владимиру Ильичу из Крыма М. В. Фрунзе. Зная сво-

его шофера как страстного охотника и собаковода, Ленин поручил ему присмотреть за ней. Нередко сам приходил в сарай, где жила Фрина, трепал ее за уши, брал за лапу.

После смерти Ленина муж передал собаку Д. И. Ульянову. Потом он неоднократно видел Фрину в Горках. Она всегда дружеским лаем встречала его автомобиль у въезда на дачу.

Не забыть, каким радостным и веселым вернулся однажды Петр Сидорович из поездки с Лениным. Пока я собирала на стол поужинать, он успел рассказать об охоте в Кубинке, где стрелял по зайцам из ленинского ружья.

— Легкое у него ружье,— сказал Петр Сидорович.— Почти не ощущаешь отдачи. Бьет метко на большом расстоянии, и дробь ложится кучно.

Петру Сидоровичу посчастливилось дважды сфотографироваться вместе с Лениным в автомобиле. Первый раз — на Ходынском поле после окончания военного парада 1 мая 1918 года и второй раз — на прогулке в окрестностях Горок.

Длительное время я бережно хранила именные серебряные часы, которыми был награжден Петр Сидорович по ходатайству Владимира Ильича. В 1941 году, когда мой воспитанник Володя Евдокимов уходил на защиту Москвы, подарила ему эти часы.

Не могу не сказать, кстати: уходил на войну Володя комсомольцем, солдатом, а вернулся капитаном, коммунистом, Героем Советского Союза. С Лениным в сердце он освобождал города и села родной страны.

ФАКЕЛ

...Нет сил, которые могли бы затемнить факел, поднятый Лениным...

М. ГОРЬКИЙ

Н. И. САДОВСКАЯ

ВЕРНОЙ ДОРОГОЙ

Надежда Ивановна Садовская родилась в Казанской губернии, Чистопольском уезде, в деревне Мамадыш. С золотой медалью окончила гимназию в городе Елабуге. Поступила учиться в медицинский институт в Петербурге и окончила его в 1908 году. За год до окончания института стала женой большевика А. Д. Садовского.

После Октябрьской революции Надежда Ивановна работала врачом в Таврическом дворце. Не однажды видела В. И Ленина, слушала его публичные выступления в Петрограде и Москве.

Впервые я увидела В. И. Ленина утром 4 (17) апреля 1917 года в Таврическом дворце на собрании большевиков — участников Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов. Владимир Ильич выступал с докладом «О задачах пролетариата в данной революции». Это были знаменитые Апрельские тезисы.

Не только на меня — на всех присутствовавших доклад Ленина произвел неизгладимое впечатление. На душе становилось радостно. Бодрость и энтузиазм охватили каждого из нас. Владимир Ильич призывал партию, трудящиеся массы повести борьбу за переход от буржуазно-демократической революции к социалистической.

Нацеливая в этот период партию, рабочий класс, трудящихся на мирное развитие революции, В. И. Ленин не ослаблял также внимания к подготовке вооруженной силы пролетариата, и в первую очередь отрядов Красной гвардии, которые к осени 1917 года возникали во многих городах и рабочих поселках. В связи с этим он не раз вызывал моего мужа, А. Д. Садовского, члена исполнительного комитета Петроградского Совета, заместителя председателя его солдатской секции. И я заме-

чала, как после встреч с вождем партии Андрей Дмитриевич приходил домой особенно в приподнятом настроении, каким-то просветленным, собранным. Мне он рассказывал, что во время бесед Владимир Ильич интересовался, кто и как обучает рабочих военному делу, и был очень обрадован, что военные занятия, проводившиеся ранее тайно, в скрытых местах, вдали от заводов, теперь перенесены на территории предприятий и в манежи воинских частей.

В личном архиве А. Д. Садовского имеются документы, отображающие деятельность В. И. Ленина, большевиков в октябрьские дни. Немалый интерес представляет приказ Военно-революционного комитета при Петроградском Совете по штабу Красной гвардии от 30 октября (12 ноября) 1917 года. В нем — распоряжение о доставке на позиции под Царское Село, в штаб Пулково, четырех артиллерийских батарей, трех автомобилей и бензина, самокатчиков или мотоциклистов, полевых телефонов. В штаб Измайловского полка на Московское шоссе предлагалось доставить бензин, один автомобиль, две артиллерийские батареи, саперов для рытья окопов, наладить мотоциклетную или самокатную связь, обеспечить командиров картами местности, создать «общий штаб для всей операции в целом», снабдить продуктами питания красногвардейцев.

Характерно, в конце приказа написано: «Прошу принять все меры к *немедленному* исполнению.

В. Ульянов (Ленин)» [1].

Особенно памятным для меня был 1920 год. Тогда мне довелось слушать несколько выступлений Ленина. Так, 3 ноября слушала его речь на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования, а 6 ноября — речь на торжественном заседании пленума Моссовета, МК РКП(б) и городского совета профсоюзов, посвященном третьей годовщине Октябрьской революции. Слушала также выступление Ленина 21 ноября на Московской губернской конференции РКП(б), которая проходила в напряженной обстановке: оппозиционные группировки тогда яростно атаковали политику ЦК партии. Но победа на конференции осталась за ленинцами.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 50, стр. 1.

В ноябрьские дни 1920 года В. И. Ленин запомнился мне энергичным, собранным, волевым. Во всей его крепкой фигуре, во взгляде, в голосе чувствовалось боевое настроение. Он говорил нам, коммунистам столицы, чтобы мы на крутом повороте от войны к мирному строительству решительно перестраивали формы и методы связи партии с народом. Восстановление хозяйства требовало массовой инициативы снизу. И Владимир Ильич призывал членов партии не отрываться от трудящихся, знать их настроения, завоевывать их абсолютное доверие.

Незабываемым событием в моей жизни остались дни работы VIII Всероссийского съезда Советов. Я как врач по просьбе секретаря ВЦИК А. С. Енукидзе следила за тем, чтобы среди прибывавших с фронтов и с периферии делегатов не оказалось больных тифом.

Помню, в зале, где проходил съезд Советов, было холодно, делегаты сидели одетыми. Но на это они не обращали внимания. Их взоры были устремлены к карте европейской части России. У карты находился Глеб Максимилианович Кржижановский. Он рассказывал о плане ГОЭЛРО, время от времени направлял указку к тому или иному цветному кружку, который мгновенно загорался. Россия в огнях электричества! Тогда это казалось почти фантастикой.

В одном из перерывов между заседаниями съезда я увидела, как Ленина окружили делегаты-крестьяне. Подошла поближе. Разговор был горячим. Владимир Ильич доказывал своим собеседникам, что без электрификации ни промышленности, ни сельского хозяйства не поднять. Электрификация, говорил он,— основа основ, гвоздь политики большевиков в создании экономического потенциала страны. Если не поднять промышленности и сельского хозяйства в ближайшие 10—15 лет, то Советскую республику задушит буржуазия, мировой капитал. Председатель Совнаркома просил делегатов-крестьян крепко помнить об этом и быть в деревне активными проводниками политики партии и правительства.

По тому, как собравшиеся слушали Ленина, видно было, что он говорил о самом важном, о самом насущном, глубоко волновавшем крестьянских делегатов. Они поняли, что электрификация — одно из средств сближения и объединения города и деревни на социалистиче-

ских началах, и обещали Владимиру Ильичу мобилизовать на решение этой грандиозной задачи всех тружеников села.

Мне посчастливилось слушать последнюю публичную речь В. И. Ленина перед народом, которую он произнес в Большом театре 20 ноября 1922 года на пленуме Московского Совета.

Появление Владимира Ильича в зале было встречено бурными аплодисментами. Чувствовалось, он и сам взволнован встречей с товарищами. Когда воцарилась тишина, Ленин начал свою речь. Она была проникнута твердой уверенностью в правильности того пути, по которому пошла Советская республика.

Каким мне тогда запомнился Ленин? Энергичным и уверенным в победной поступи России к социализму. Он неторопливо ходил по сцене и призывно обращался к участникам пленума. Устремив взгляд куда-то вдаль, выбрасывая руку вперед, Владимир Ильич, казалось, говорил со всей страной. А когда произнес слова: «...Владивосток далеко, но ведь это город-то нашенский... И здесь и там — РСФСР» [1], грянули такие овации в зале, каких мне никогда больше не довелось услышать. Я сидела среди военных. Они старались аплодировать во всю мощь. Некоторые, не стесняясь, смахивали слезы. Слезы радости, воодушевления и подъема.

Для всех нас Владимир Ильич был факелом Октябрьской социалистической революции — великой школы борьбы за счастливое будущее всего человечества. Как метко, прозорливо говорил он: «А дорога наша — верная, ибо это — дорога, к которой рано или поздно неминуемо придут и остальные страны» [2].

И приходят. Революция, начатая Россией в октябре 1917 года, продолжается. Она охватывает все новые и новые страны и континенты.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 303.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 312.

А. М. БАЛТРУКЕВИЧ

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Анна Марковна Балтрукевич родилась в бедной крестьянской семье в деревне Рисевичи Виленской губернии. Двенадцатилетней девочкой родители привезли ее в Петроград и отдали в прачечное заведение, где она работала с шести утра и до позднего вечера.

Весной 1917 года Анна Марковна вступила в партию большевиков. Потом молодую коммунистку направили в Смольный для работы в столовой, которая обслуживала членов Совета рабочих и солдатских депутатов.

В годы Советской власти А. М. Балтрукевич трудилась на ткацкой фабрике, а затем на стекольном заводе. Избиралась депутатом Моссовета. Удостоена высшей награды страны — ордена Ленина.

Как работнице столовой, мне довелось обслуживать членов президиума II Всероссийского съезда Советов и, таким образом, в какой-то мере быть свидетельницей его бурных заседаний. Особенно запомнилось вечернее заседание 26 октября (8 ноября), когда Ленин зачитывал декреты о мире и о земле.

В зале творилось что-то невероятное. Овации перемешивались с возгласами: «Ура!», «Да здравствует революция!», «Да здравствует Ленин!» Люди стояли в проходах, на подоконниках, на выступах колонн, взбирались на стулья, чтобы увидеть вождя и вдохновителя Октября.

Сидела я тогда где-то сбоку трибуны, и мне хорошо был виден Владимир Ильич. Внимательно слушала его речь, страстно и гневно разоблачавшую Временное правительство, которое не дало народу ни свободы, ни мира, ни земли.

После выступления Ленина меньшевики забили тревогу. И это понятно: у них из-под ног уходила почва.

В своих выступлениях они называли большевиков бонапартистами, обвиняли их в узурпаторстве власти, грозили «отлучить от революции».

И вот, помню, на трибуне появился матрос, перепоясанный крест-накрест пулеметными лентами. Повернувшись к скамьям, где сидели меньшевики, он бросил им:

— Мы сняли штыками с престола царя Николашку. Сегодня мы выдворили штыками из Зимнего Керенского и передали власть большевикам. Мы верим большевикам, а не вам, граждане меньшевики. Большевики и Ленин не обманут вековых надежд народа, а вы обманете. Слова у вас революционные, а нутро — буржуазное...

Жизнь в Смольном тогда не затихала ни днем ни ночью. Гудели голосами залы и коридоры. Горы неотложных революционных дел свалились на плечи Владимира Ильича. Казалось, где ему до нас, простых людей. А он и к нам был чуток и внимателен. Встретив как-то меня в коридоре, поинтересовался:

— Вы чем-то расстроены?

Рассказала: пришла в финансовый отдел получать зарплату, а там меньшевики. Колесников спросил меня:

— Вы с кем будете? — И добавил: — Если с нами, выдадим деньги за три месяца вперед. Если с большевиками, не получите ни копейки.

— Вот вам, товарищ,— заметил Владимир Ильич,— подтверждение того, что слова у меньшевиков революционные, а нутро — буржуазное.

На другой день зарплату я все же получила. И об этом, полагаю, позаботился Ленин.

Иногда после окончания какого-либо совещания Ленин заходил в столовую, брал стакан чаю и бутерброд.

Бутерброды в столовой, как обеды, выдавались за деньги. Владимир Ильич обычно спрашивал:

— Сколько я должен?

Как-то сказал:

— А денег-то у меня сегодня нет. В следующий раз заплачу. Можно?

И уже на другой день внес необходимую сумму.

До сих пор храню я записку:

«Товарищу Ленину.
Счет Балтрукевич.
Прошу уплатить причитавшиеся с Вас:

1. Обеды 6 по 1 руб. 30 к.	— 7 р. 80 к.
2. Бутерброды 2 шт. по 20 к.—	40 к.
3. » 1 шт. по 40 к.—	40 к.
Итого:	8 р. 60 к.»

Когда Владимир Ильич внес причитающуюся с него сумму, я на листке бумаги внизу написала: «Получено сполна».

Однажды у нас на кухне заболел один из товарищей, потерял сознание. Смерили температуру. Сорок один градус! Мы на первых порах растерялись и уложили больного тут же, в столовой.

Вдруг входит Владимир Ильич, спрашивает:

— Что случилось с товарищем? Почему он здесь лежит?

— Заболел, Владимир Ильич,— говорим ему,— высокая температура.

Владимир Ильич озабоченно покачал головой, а затем обратился ко мне:

— Сходите, пожалуйста, к нарядчику Иванову, возьмите мою машину и отвезите больного в госпиталь.

Пришла к Иванову, а там Мария Ильинична Ульянова. Поздоровалась с ней и прошу нарядчика, чтобы он дал машину для отправки больного в госпиталь. Иванов сказал, что у него свободных машин нет. Тогда, говорю, машину Владимира Ильича, он разрешил.

— Не могу,— ответил Иванов.— Машина нужна Марии Ильиничне.

Мария Ильинична подошла к телефону и сняла трубку:

— Володя, ты дал машину еще кому-нибудь?

Что ответил Ленин, я не слышала. Только тут же Мария Ильинична сказала мне:

— Повезем больного вместе...

В марте 1918 года Советское правительство во главе с Лениным переехало в Москву. В Кремле я убирала кабинет Владимира Ильича.

Помню, Владимир Ильич облюбовал себе простенькое деревянное кресло с плетеной спинкой и сиденьем. А мне показалось обидным, что вождь революции и мирового пролетариата пользуется таким обыкновенным

креслом. И я заменила его мягким, по моему мнению, более подходящим для Председателя Совнаркома.

Владимир Ильич потом всякий раз убирал от стола мягкое кресло, а я, не зная, в чем дело, снова ставила его на прежнее место. Однажды он застал меня за этим занятием и решительно сказал:

— Знаете, мягких кресел я не люблю.

Пришлось мне мягкое кресло вовсе убрать из кабинета.

Работала я в Кремле до июня 1918 года. Затем меня назначили контролером в таможню Николаевского (ныне Ленинградского) вокзала. Ленин и Дзержинский приезжали на вокзал для осмотра санпропускников. Заходили и в таможню. Владимир Ильич поинтересовался, как идут дела, и посоветовал проявлять твердость в наведении революционного порядка. Золото и драгоценности, заметил он, не должны вывозиться за границу незаконным путем. Они нужны Советской власти для закупки хлеба за границей.

Хлеб... Это слово не сходило тогда со страниц московских газет.

В Большом театре состоялось объединенное заседание ВЦИК, Московского Совета и профессиональных союзов, на котором присутствовали многочисленные представители трудящихся столицы. Была и я на этом заседании. Слушала доклад Ленина о борьбе с голодом. Владимир Ильич показался мне в тот раз суровым, но полным уверенности в победе над голодом.

— Все на заводы! — говорил Ленин.— Все к массам, все должны практически взяться за работу сейчас, немедленно!

Советское правительство вскоре издало декрет о комбедах. Партийные организации отправляли в села своих лучших работников. Мобилизовали и меня на хлебный фронт...

Мне выпало на долю редкое счастье — встречаться с великим Лениным в Смольном и в Кремле. То славное, незабываемое время навсегда осталось в моем сердце.

М. П. БОШ

В БОЕВОМ, ВОСЕМНАДЦАТОМ...

Мария Петровна Бош — член КПСС с 1917 года, участница Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны. Была комиссаром в Красной Армии. Однажды с ее участием был взорван вражеский бронепоезд, прорвавшийся в тыл советских войск под Киевом.

В июле 1918 года М. П. Бош приезжала в Москву, была делегатом V Всероссийского съезда Советов. Здесь, на съезде, впервые встретилась с В. И. Лениным, разговаривала с ним, побывала в его кремлевской квартире.

О Ленине я впервые услышала от своей матери, Евгении Богдановны Бош, старой большевички, председателя Киевского областного комитета РСДРП(б).

В трудные периоды революционной борьбы за создание киевской партийной организации Евгения Богдановна писала письма Владимиру Ильичу, информировала его о положении дел, советовалась, какое принять решение по тому или иному конкретному вопросу. В технике «невидимого» писания приходилось принимать участие и мне, гимназистке. Письма Владимира Ильича всегда ожидались у нас в доме с большим нетерпением. «Как много бодрости и веры в свои силы дают мне письма товарища Ленина,— не однажды я слышала от мамы.— Они освещают все закоулки нашей партийной работы. Виднее становятся недостатки. И тяга к партийной работе возрастает».

Навсегда мне запомнились эти слова. Партийная работа и для меня стала тягой к хорошему — к революционной борьбе за новую жизнь.

Никогда не забыть первых лет становления нового мира. Республика Советов задыхалась в кольце врагов. Один за другим вспыхивали белогвардейские мятежи,

восстания казачества Кубани, Дона и Урала, саботаж чиновников. В стране свирепствовали тиф и голод.

В такой тревожной обстановке в начале июля 1918 года в Москве в Большом театре собрался V Всероссийский съезд Советов. Приехала на съезд и я, молодая коммунистка из Липецка.

Помню, на вечернем заседании 4 июля ко мне подошел красноармеец из охраны и сказал, что товарищ Ленин просит меня подняться в президиум. Не поверила и переспросила: меня ли вызывает Владимир Ильич, не ошибка ли это? Получив утвердительный ответ, пошла с красноармейцем на сцену театра.

Позади президиума, сбоку, сидел Ленин. Он спросил меня:

— Вы делегат съезда от Липецка?

И Владимир Ильич начал расспрашивать о поведении в Липецке левых эсеров, об их «работе» в Советах. Спрашивал о настроении крестьян. Когда я сказала, что левые эсеры теряют свое влияние среди крестьянства, Ленин заметил:

— Левые эсеры высказались за войну. Это разошлось с настроением крестьянства. Факты на местах это подтверждают.

5 июля Владимир Ильич выступил перед делегатами с докладом о деятельности Совнаркома. Спокойно, просто разъяснял он значение Брестского мира для молодой Советской республики. Резко критиковал позицию левых эсеров, не обращая внимания на их истерические выкрики, направленные против Брестского мира.

Слушала Владимира Ильича и думала, что его беседа со мной не случайность. Видимо, перед своим выступлением на съезде он решил еще и еще раз выяснить истинное положение на местах.

V Всероссийский съезд Советов подвел первые итоги огромной созидательной работы трудящихся и определил новые задачи. Левые эсеры, открыто ставшие на защиту кулачества, требовали на съезде отмены декретов о комбедах и продотрядах, предлагали расторгнуть Брестский договор и изменить внешнюю и внутреннюю политику Советской власти. Когда съезд отверг эти контрреволюционные требования, левые эсеры ушли со съезда и подняли мятеж против Советской власти.

В этот опаснейший для страны момент съезд Сове-

тов прервал работу и объявил всех делегатов мобилизованными для борьбы с мятежниками, которые были разгромлены. Делегаты съезда Советов вернулись в Большой театр и продолжили свою работу.

Запомнился мне день 10 июля: съезд Советов утвердил первую в мире Конституцию государства рабочих и крестьян. В основу ее была положена написанная В. И. Лениным «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Конституция законодательно закрепила вековые чаяния народа, его права на труд, отдых, образование, на братство и свободу.

Во время работы V съезда Советов Владимир Ильич был бодр, энергичен. На его лице мы не видели никаких следов усталости или растерянности. В перерывах между заседаниями он шутил с делегатами, радовался, что мятеж был ликвидирован в один день.

Работая в Липецке, сражаясь за власть Советов словом и оружием, я мечтала о поступлении в высшее учебное заведение. Осенью 1918 года я снова приехала в Москву. Решила поступить здесь в Московское Высшее техническое училище. Но сразу же оказалась в затруднительном положении: у меня не было документов об окончании гимназии. Все документы остались в осажденном Киеве. Мама рассказала об этом Н. К. Крупской. Надежда Константиновна вызвалась дать мне личное письменное подтверждение об окончании гимназии и попросила меня прийти к ней.

Пришла в Кремль. Время было обеденное. В комнату Надежды Константиновны вошел Владимир Ильич. Увидел меня и стал расспрашивать, куда поступаю и какую специальность решила избрать. Хорошо запомнились слова Ленина о том, что социализм невозможно построить без максимального использования достижений культуры и техники, созданных при капитализме. А для того, чтобы суметь эти достижения поставить на службу Советской власти, молодежи надо учиться. И еще Владимир Ильич сказал: в проекте постановления Совнаркома о приеме в высшие учебные заведения страны обязательно будет пункт о том, чтобы принимать на учебу в первую очередь рабочих и беднейших крестьян.

Уходила я от Надежды Константиновны окрыленной. Она дала мне записку. В ней говорилось, что М. П. Бош окончила Киевскую гимназию с золотой медалью.

Записку эту я сдала в учебную часть МВТУ имени Н. Э. Баумана. После Великой Отечественной войны пыталась отыскать дорогую для меня реликвию, но в училище ее не обнаружили, видимо, она была уничтожена вместе с архивом при эвакуации в 1941 году.

Прошли годы. А память до сих пор хранит светлый образ Владимира Ильича. И не удивительно. Кто хоть однажды слышал Ленина или встречался с ним, никогда не забудет неповторимые черты этого образа.

И. Г. РАКОВА

РОДНОЙ И БЛИЗКИЙ

Ирина Гордеевна Ракова родилась в деревне Шематово Коломенского уезда (Подмосковье). Рано лишилась родителей и воспитывалась в детском доме, окончила церковноприходскую школу.

В Москву И. Г. Ракова приехала в 1909 году. Октябрьскую социалистическую революцию встретила восторженно. С первых дней Советской власти приняла активное участие в работе женотдела Сокольнического района. До 1919 года была санитаркой в военном госпитале, а затем курьером Наркомпроса. Встречалась с В. И. Лениным и Н. К. Крупской.

Первый раз увидела Ленина в Сокольническом клубе, где состоялось собрание женщин-активисток, на котором я присутствовала. Более того, меня избрали в президиум собрания. Посчастливилось сидеть рядом с Лениным. Видела, как он своим стремительным почерком исписывал листок за листком, слушая выступления женщин.

Нельзя было не заметить, что всякий раз, когда с трибуны говорилось о росте беспризорности, об участившихся случаях смерти детей от голода и тифа, взгляд Владимира Ильича становился суровым. На лице как-то резче проступали морщинки.

Терпеливо слушал нас Ленин. Понимал с полуслова. Дельные предложения одобрял. С чем не соглашался — говорил об этом прямо, без обиняков. Советовал не торопиться в серьезном деле, испытать, проверить то или иное начинание на практике.

Предупредительность к людям, манера увлеченно вести беседу, умение слушать собеседника — все это характеризовало Владимира Ильича с самой лучшей стороны. За эти качества трудящиеся горячо любили его.

Вспоминается еще одна встреча с Лениным — на Сокольническом кругу (ныне парк культуры и отдыха «Сокольники»). Владимир Ильич выступал на митинге трудящихся. Он страстно призывал не складывать оружия перед лицом внутренней и внешней контрреволюции. Усилить помощь Красной Армии, пополнять ее ряды, крепить трудовой союз рабочих и крестьян, бороться с врагами до полного их разгрома. Рабочие всех стран, говорил Ленин, смотрят на русский пролетариат с надеждой; это он бросил искры революции на все континенты земли.

Навсегда запомнилось хмурое осеннее утро 1919 года. Спешила в Совнарком, чтобы доставить Владимиру Ильичу служебные пакеты из Наркомпроса.

Миновала проходную Кремля. Стала подходить к Царь-колоколу, а навстречу идет Ленин. Узнал меня, остановил. Поинтересовался, есть ли пропуск в Совнарком.

Сдала пакеты в секретариат Совнаркома и отправилась в обратный путь. Вышла из подъезда и снова встретилась с Лениным. Видимо, он был на прогулке. Поровнявшись с ним, сказала:

— Все пакеты сдала, Владимир Ильич.

— Ну вот и чудесно. Расписку не забыли получить?

— Не забыла.

Владимир Ильич внимательно на меня посмотрел и тихо спросил:

— Голодны?

— У нас в экспедиции кашу варят,— ответила.— Прибегу — покушаю...

— Когда-то еще добежите. Не близко. Почти через всю Москву. Пойдите в нашу совнаркомовскую столовую...

Я согласилась. Не зная точного расположения кремлевской столовой, попала прямо на кухню. Здесь и накормили меня.

Вышла с кухни, направилась к Троицким воротам. И опять увидела Ленина. Он с кем-то разговаривал. Заметив меня, спросил:

— Ну как, покормили вас?

— Спасибо, Владимир Ильич...

— Теперь веселее будет бежать обратно,— сказал он.— До свидания!..

Вернулась в свою наркомпросовскую экспедицию, рассказала подругам о встрече и разговоре с Владимиром Ильичем, о завтраке в кремлевской столовой.

А через час — меня к заведующей экспедицией.

Вошла в кабинет В. И. Келлер и не узнала ее. Всегда такая добрая, уравновешенная, она вдруг сердито спрашивает:

— Почему вы пожаловались Ленину, что вас плохо одевают?

— Я не жаловалась, Вера Ивановна,— ответила.

— Не жаловались? За что же тогда Покровский получил нахлобучку от товарища Ленина? Берите список, опросите всех курьеров, против фамилии каждого поставьте рост одежды и размер обуви.

Дня через два в экспедицию Наркомпроса были доставлены для нас одежда и обувь.

Оделись мы во все новое, не узнаем друг друга... Такие красивые девчата стали! И сколько же хороших и добрых слов было сказано нами в адрес Владимира Ильича!

Не шла, а летела я в новом обмундировании с пакетами в Совнарком. У больших витрин магазинов останавливалась, смотрела на свое отражение. Новое пальто, новые валенки. Не то что разбитые ботинки. Как ни старалась я тогда, при встрече у Царь-колокола, скрыть от Владимира Ильича торчащие из прохудившихся ботинок пальцы, все же, видимо, он заметил... «Вот бы теперь встретить Владимира Ильича,— думала я.— Не узнал бы курьера Наркомпроса».

А он узнал меня. Встретив в секретариате Совнаркома, сказал:

— Вот теперь все как надо. Так и должен выглядеть советский служащий, да еще курьер Наркомпроса.

Много еще раз я встречала Владимира Ильича. Однажды, когда я проходила по коридору в Совнаркоме, встретила его вместе с Е. Д. Стасовой. Они о чем-то оживленно разговаривали. Только хотела поздороваться с ними, Владимир Ильич опередил меня:

— Здравствуйте, здравствуйте, товарищ!

«Товарищ»... Кажется, голос Владимира Ильича слышу до сих пор, и столько в нем чуткости и привета, родного и близкого.

Е. М. БЕРКОВИЧ

В ТЕ ВЕСЕННИЕ ДНИ...

Елица Мато Перкович родилась в Боснии, в городке Ливно. В Праге училась в медицинском институте, но не имела средств продолжать образование и поступила на работу в военный госпиталь. Уже шла первая мировая война. За резкий протест против военного займа Елица была сослана сначала в каменноугольные шахты, а затем на Тузланские лесоразработки. Здесь она встретилась с русским военнопленным-большевиком, вышла замуж и вместе с ним уехала в Россию, где победно шествовал Великий Октябрь.

В России Елицу Мато Перкович стали называть Елизаветой Матвеевной Беркович. Она вступила в большевистскую партию, окончила медицинский институт, работала врачом.

Но тогда, весной 1922 года, Е. М. Беркович была скромной медицинской сестрой. Ф. Э. Дзержинский направил ее к В. И. Ленину в Корзинкино.

В один из теплых мартовских дней 1922 года мне позвонил А. Я. Беленький, сотрудник ГПУ. Он намекал на какое-то особое назначение и велел срочно приехать на Лубянку. Я терялась в догадках...

Представили меня Ф. Э. Дзержинскому.

Феликс Эдмундович вышел из-за стола, улыбнулся:

— Да ведь это старая знакомая. Жена нашего чекиста товарища Зверева. Вы комсомолка?

— Нет, Феликс Эдмундович, с марта 1921 года — член РКП(б).

— Замечательно! — сказал Дзержинский и, подойдя ко мне, серьезно: — Ваша работа будет на первый взгляд несложной, но очень ответственной...

Феликс Эдмундович подбодрил, пожелал успеха в работе. О каком конкретном деле шла речь — ни Дзержин-

ский, ни Беленький мне не сказали. Куда же, думаю, меня направили работать? Тревожил озабоченный тон Феликса Эдмундовича, когда он говорил об ответственности за порученное дело.

С Лубянки меня повезли на машине за город. Ехали быстро. Промелькнули Красная Пресня, Ваганьковское кладбище, Серебряный бор. Наконец, шофер остановился у ворот небольшой усадьбы.

Встретила Н. К. Крупская. Только тут я поняла, куда приехала и где буду работать. Сопровождавший меня начальник личной охраны Ленина П. П. Пакалн передал Надежде Константиновне какую-то записку и сказал:

— Это медицинская сестра, товарищ Беркович.

Надежда Константиновна повела меня к Владимиру Ильичу. Тот сразу же спросил:

— Как ваше имя?

— Елизавета Матвеевна Беркович, а по-боснийски — Елица Мато Перкович,— ответила я.

— Вы находитесь у нас в такое грозное и трудное время...— в глубоком раздумье заметил Ленин.

По его просьбе рассказала Владимиру Ильичу о том, как попала в Советскую Россию. Перечислила города, где жила, фронты, на которых пришлось бывать. В одном из боев потеряла мужа, большевика, командира батальона ВЧК Д. Н. Зверева. Осталась с маленькой дочкой.

Тут в комнату вошел Дмитрий Ильич Ульянов.

— Митя,— сказал Владимир Ильич,— познакомься с нашей славяночкой. В самое тяжелое время приехала из Боснии и вместе с нами борется за Советскую власть. Замечательный пример интернационализма!

Владимир Ильич говорил с воодушевлением. Мне казалось, что он чувствует себя физически вполне здоровым. И, как бы угадывая мои мысли, Ленин, слегка вытянув правую руку, заметил:

— Вот ощущаю небольшую слабость в руке.

С тех пор стала я регулярно ездить в Корзинкино.

Дом, в котором жил Владимир Ильич, был двухэтажный, деревянный, стоял буквой «Т». Украшен узорной резьбой по дереву. В комнаты из-за деревьев поступало мало света. Это огорчало Владимира Ильича, и он мечтал побыстрее перебраться в Горки.

Жил Ленин на втором этаже. Окна и парадная дверь дома выходили к Москве-реке.

В Корзинкине Владимир Ильич чувствовал себя значительно лучше, чем в Костине, где находился незадолго до этого. Он ежедневно просматривал массу газет и журналов, вникал во все, чем жила республика Советов.

Когда в Корзинкино приезжала Надежда Константиновна, становилось как-то веселее. Вместе с ней Владимир Ильич совершал в окрестностях усадьбы прогулки.

А придут, бывало, с прогулки — продолжают мирно и тихо еще не оконченную беседу. Как-то, помню, обсуждали они в моем присутствии некоторые вопросы, связанные с подготовкой к XI съезду РКП(б). И Владимир Ильич сильно разволновался. Я поняла: он обеспокоен судьбами революции, партии, страны. Говорил, что вокруг идет отчаянная борьба между социалистическими и капиталистическими элементами, и очень важно, чтобы рабочее ядро партии не растеряло пролетарскую психологию. Ленин несколько раз употребил слова «нэп», «авторитет партии», «руководящая роль партии в социалистическом строительстве».

По состоянию здоровья ему нельзя было волноваться. Это, конечно, лучше меня знала Надежда Константиновна. Пришлось все же ее попросить не начинать разговоров с Владимиром Ильичем на политические темы хотя бы во время сеансов лечебной физкультуры.

Однажды Крупская получила от Синклера большую посылку книг и привезла ее в Корзинкино. Вместе с Владимиром Ильичем они долго просматривали книги известного писателя.

Регулярно в то время приезжал к Владимиру Ильичу врач В. А. Обух. Я слышала, как они говорили о возвращении из-за границы в Россию группы артистов Московского Художественного театра, о работе московских бань и санпропускников, о ходе развернувшейся массовой кампании по изъятию церковных ценностей в помощь голодающему Поволжью.

Мне запомнилось, как Владимир Ильич рассмеялся, когда прочитал заметку в «Правде». В заметке сообщалось, что по инициативе заведующего отделом социального обеспечения и здравоохранения Моссовета

В. А. Обуха через столичные бани прошло до 800 тысяч москвичей и каждый получил кусок мыла и мочалку.

— Вот точная статистика,— воскликнул Ленин,— которой я никак не добьюсь от работников ЦСУ!

А потом он не раз сетовал на то, что многие коммунисты-руководители не занимаются по-настоящему практической работой в области налаживания экономики, подъема народного хозяйства. В проверке, в подборе людей, в их расстановке и фактическом исполнении дела видел Владимир Ильич гвоздь всей работы, всей политики партии. Если мы добросовестно учим дисциплине рабочих и крестьян, говорил Ленин, то мы обязаны начать с самих себя.

В обстановке разрухи, голода и холода он повседневно заботился об улучшении жизни трудящихся, о дальнейших судьбах и процветании Страны Советов.

Приезжая в Корзинкино, я несколько раз заставала Владимира Ильича за письменным столом. Он работал тогда, как потом я узнала, над статьей «О значении воинствующего материализма». Несколько раз обсуждал наметки этой статьи с Н. К. Крупской.

Я огорчалась, видя, что здоровье Владимира Ильича улучшается медленно. Ему необходим был длительный отдых, абсолютная разгрузка от напряженной умственной работы, а он, несмотря на запрет врачей, продолжал трудиться, решая сложнейшие практические и теоретические вопросы социалистического строительства.

Прожиты многие годы. Вспоминая минувшее, возвращаюсь к тем весенним дням 1922 года. Встречи с Владимиром Ильичем помогли мне лучше видеть в жизни хорошее, отбирать ценное и отметать все мелкое, случайное.

А. И. ИСКИНА

О ЧЕМ НАПОМИНАЮТ ЭКСПОНАТЫ

Анна Ильинична Искина родилась в Самаре (ныне г. Куйбышев) в семье рабочего-маляра. Окончила церковноприходскую школу, потом ремесленное училище. Работала конторщицей в одном из чайных заведений.

В 1922 году А. И. Искина приехала в Москву и стала работать в аппарате Управления делами Совнаркома, сначала делопроизводителем, а затем секретарем. Ей было поручено вести регистрационную книгу памятных подарков, поступавших в Кремль на имя В. И. Ленина.

Начну свой рассказ с Музея В. И. Ленина, где хранятся исторические документы: копии ленинских рукописей, книги, репродукции редких фотографий и картин. Уникальные экспонаты. В музее в максимальной степени собрано все, к чему был причастен Ленин.

Из всех музеев Москвы больше всего посетителей — в этом. Здесь экспонируется около 8 тысяч рукописей, печатных работ и личных вещей Владимира Ильича. С ними знакомятся рабочие, колхозники, учащиеся, военнослужащие, иностранные туристы. Ежедневно через залы музея проходят тысячи посетителей, а в течение года — более двух миллионов человек.

Как жил Ленин? Как трудился? Как руководил строительством новой жизни? О чем мечтал?

Эти и многие другие вопросы волнуют простых людей. И неслучайно. За светлый мир социализма Ленин отдал без остатка всю свою жизнь. Он стал частицей каждого из нас. Стал знаменем трудящихся нашей планеты. И поэтому люди идут в музей. Не от случая к случаю, а каждодневно. По зову сердца. Идут, чтобы стать богаче в мыслях и крепче духом.

Сколько бы я ни приходила в музей, всегда с глубоким волнением останавливаюсь у картины «Выступле-

ние В. И. Ленина на III съезде комсомола». О многом она мне напоминает...

Теперь уже трудно восстановить в памяти, кто вручил мне гостевой билет на съезд. Но факт тот, что он у меня оказался, и я была безмерно счастлива, что услышу выступление Ленина.

Съезд открылся в назначенное время. Вопреки ожиданиям президиума и делегатов Ленин начал доклад не о международном положении, а о коммунистическом воспитании.

Для успешного строительства нового общества молодежи нужны были знания. И Владимир Ильич поставил перед комсомолом боевую задачу времени — учиться, учиться и учиться!

Ц. К. Международной Красной Помощи.
(Международная Организация Помощи борцам революции — МОПР).
Адрес для телеграмм: МОПР, Москва.
" " писем: МОПР, Москва, Моховая 16, комн. 5.
Телефон 56-71, добавочный 5.

Квитанция № 895

На Руб. 118 98

Руб. Сто восемнадцать 98 к.

Получено от Сотрудников Управдел С.Н.К через т. Ускину (Германским рабочим) подарок Влад. Ильичу к 6 годовщине Октября

Со счета Пожертвов

„9" ноября 1923 г.

Бухгалтер

Деньги получил

Казначей

Квитанция № 895 от 9 ноября 1923 года, по которой сотрудники Совнаркома передали свои деньги в помощь германским рабочим.

Когда он закончил свою речь, делегаты обратились к нему с множеством самых различных вопросов. Крестьянский паренек, прибывший на съезд из какой-то сибирской деревни, спросил:

— Где бы достать сейчас деготь, чтобы колеса у телег смазывать? А то ведь нужда в этом в деревне большая.

Вопрос крестьянского паренька удивил делегатов съезда. Все дружно, словно сговорившись, рассмеялись. Ленин жестом остановил смеющихся, назвал вопрос крестьянского паренька толковым вопросом, весьма существенным для разоренной войной деревни. Сказал:

— Как вы думаете, будет ли успешно вращаться колесо революции, о котором мы каждодневно говорим и заботимся, если остановятся столь нужные в крестьянском хозяйстве телеги?

Настроение комсомольцев мгновенно переменилось. В зале сразу наступила тишина. Перед мысленным взором каждого открылся простор для анализа и обобщений суровой действительности.

Обращаясь к комсомольцам как продолжателям революционного дела, Ленин назвал их первыми строителями коммунистического общества.

Свято выполняет этот ленинский завет советская молодежь.

Недавно, разбирая фонды музея первых двух лет Великой Отечественной войны, я обнаружила письмо гвардейца И. А. Пчелкина, которое он прислал в Центральный музей В. И. Ленина. «Дорогие товарищи! — взволнованно писал гвардеец.— Если можно, пришлите мне маленький портрет горячо любимого вождя В. И. Ленина. Я его всегда буду хранить в нагрудном кармане. Всегда буду мысленно с ним советоваться. Если придется умирать в бою за Советскую Родину, хочу умереть с образом великого Ленина».

Таких писем в музее — тысячи. В этих письмах — клятва советских воинов на беззаветную верность Родине, партии, народу.

Мы, комсомольцы, молодежь, горячо любили Ленина. С особой силой это чувство проявилось у нас в дни его тяжелой болезни.

На имя Владимира Ильича поступало столько памятных подарков, что для их регистрации в Управлении делами Совнаркома появилась специальная книга. Вести ее тогда поручили мне.

Молодые сотрудники Управления делами Совнаркома тоже решили сделать коллективный подарок Ленину к шестой годовщине Октября. И вот что из этого получилось.

Собрались на комсомольский совет. Выбрали организационную группу. Возник вопрос: какой купить подарок? Одни предлагали заказать памятный альбом, другие — часы с надписью, третьи — цветы. Никак не могли прийти к единому мнению. Во время одной из таких горячих дискуссий к нам зашла М. И. Гляссер, одна из секретарей Совнаркома. Мы — к ней. Помогите советом: что лучше купить в подарок Ленину? Она подумала и ответила, что для Владимира Ильича самым лучшим подарком будет, если мы соберем и сдадим облигации и

деньги в ЦК Международной организации помощи революционерам (МОПР).

Мы так и сделали. У меня сохранились акт и квитанция. В акте за номером 45 говорится, что «от сотрудников Управления делами Совнаркома поступило как подарок Владимиру Ильичу к 6-летию Октябрьских торжеств — для германских рабочих — облигаций шестипроцентного золотого займа 17 (семнадцать) штук. Все с одним оторванным купоном. Сдала — А. И. Искина. 9. XI. 23 г.».

А квитанция от того же числа за номером 895 свидетельствует, что от сотрудников управления СНК через т. Искину передано в фонд помощи германским рабочим 118 рублей 98 копеек как подарок Ленину.

Комсомольцы Управления делами Совнаркома гордились, что по совету Ленина они оказали пусть небольшую, но нужную помощь германским рабочим. Мы знали, эта помощь укрепляла международную солидарность трудящихся.

...О многом напоминают мне исторические реликвии ленинского музея. Переходя из одного зала в другой, от экспоната к экспонату, воочию видишь, как росло и ширилось рабочее движение, усиливалась и крепла борьба народа против угнетателей, как Ленин, Коммунистическая партия возглавили строительство социализма в нашей стране.

Всю жизнь я оценивала свой скромный труд тем, что я сделала для выполнения заветов великого Ленина. С душевным волнением оглядываюсь на пройденный путь и думаю: нет большего счастья, чем служить делу Ленина, партии, народу.

7 Заказ 2484

А. М. СЫСОЕВА

В ЖИТЕЙСКИХ БУДНЯХ

Александра Михайловна Сысоева родилась в семье крестьянина-бедняка. Она была двоюродной сестрой рабочего-революционера И. В. Бабушкина, через которого и познакомилась с Ульяновыми. Жила в их семье в 1908, 1918—1923 годах. Вступила в Коммунистическую партию.

Зимой 1921/22 года В. И. Ленину пришлось срочно взять отпуск по болезни и поехать в подмосковную деревню Костино, а потом в Корзинкино. А. М. Сысоева ухаживала за Владимиром Ильичем, готовила ему пищу, делала по дому все, что было нужно.

Однажды Мария Ильинична Ульянова подозвала меня и сказала:

— Вы поедете с Владимиром Ильичем.

Но куда поеду — не назвала места.

Ехали мы на автосанях. Был декабрь 1921 года. Числа не помню. Погода морозная. Я находилась в машине с Владимиром Ильичем. Больше с нами никого не было, кроме охраны.

Приехали, расположились в домике. Мои обязанности — хлопотать по хозяйству: приготовить завтрак, обед, ужин, убрать комнаты...

Распорядок был установлен такой. Завтрак готовила к 10 часам. После завтрака Владимир Ильич иногда работал, потом уходил гулять.

Обед готовила к 4 часам. После обеда он ложился отдыхать. В это время старалась не ходить по дому, чтобы не мешать отдыхать.

Часов в шесть вечера Владимир Ильич приходил пить чай. Потом или работал, или уходил гулять. К 10 часам готовила ему ужин. На этом заканчивалась моя работа по хозяйству.

На обед или ужин Владимир Ильич никогда ничего не заказывал. В Москве, бывало, только с Марией Ильи-

ничной посоветуюсь, а там сама, по своему усмотрению, что умею, то и готовлю. Да и не из чего было особенно готовить. И то, бывало, скажет: «Ну, зачем это!»

В субботу вечером к нам приезжали Мария Ильинична и Надежда Константиновна. Они были все воскресенье. Обязательно гуляли с Владимиром Ильичем. А в понедельник утром уезжали.

Надежда Константиновна спала в столовой на диване. Мария Ильинична укладывалась обычно в холодной комнате, где ее укрывали, кроме одеяла, двумя шубами. Кладка печи в доме тогда еще не была закончена, вот и холодно было.

Домик, в котором жил Ленин, был окружен лесом. Недалеко находился липовый парк — любимое место прогулок Владимира Ильича.

С парадного входа, с северной стороны, как войдешь — небольшая прихожая (передняя). Справа стояла вешалка для одежды. А далее, если идти из передней, с левой стороны — ванная комната. Здесь же — умывальник.

На чердаке дома находился бак, из которого подавалась вода в колонку для ванной и умывальника.

В кухне стояла небольшая плита, сложенная из красного кирпича. Кухня от столовой отделялась стеной, и, чтобы подать к столу пищу, приходилось идти через прихожую.

Вход в столовую был и с фасадной части дома. Два окна выходили на южную сторону. Стены были окрашены в светло-желтый цвет, а полы — в желтый. Здесь, в столовой, рядом с русской печкой, облицованной белым кафелем, находился буфет из красного дерева. Налево от него — диван, обитый темным цветастым материалом. Посередине — обеденный стол на резных ножках, четыре венских стула. В углу был еще маленький столик для графина с водой.

Под рабочий кабинет Ленин выбрал себе небольшую комнату окнами на север. У стены между двух окон стоял письменный стол. На нем — телефонный аппарат старинного образца — высокий, с вилкой, без ручки. Им пользовался Владимир Ильич, когда разговаривал с Кремлем. Были еще настольная лампа с шелковым абажуром, недорогой письменный прибор. У стола — удобный стул. У противоположной стены — гарнитур плете-

ной мебели. В углу — мудреные высокие часы в футляре. Они показывали не только время, но и число, месяц и даже год. В определенную минуту исполняли полонез. Сказывали, что эти часы были сделаны англичанами.

По моим наблюдениям, Владимир Ильич тогда тоже много работал, несмотря на запрещение врачей. Но в своем кабинете он находился не всегда. Пользовался им, когда принимал приезжавших из Москвы товарищей или когда вел с Кремлем переговоры по телефону. В кабинете всегда было прохладно. Надо заметить, прохладу Владимир Ильич очень любил.

У входа в рабочий кабинет стояли аккумуляторы. Это вроде бы электростанция, которой заведовал шофер П. С. Космачев. Как только Владимир Ильич уходил на прогулку, тот немедленно приступал к зарядке аккумуляторов, заботился о бесперебойном освещении домика.

Спальная комната Владимира Ильича была выкрашена в светлый цвет. Располагалась она очень удобно: из нее можно пройти и в кабинет, и в столовую. Одно окно выходило на юг, а второе на запад. Из окон спальни можно было любоваться видом на заснеженный парк, на небольшое замерзшее озеро.

В спальне стояли письменный стол, этажерка и еще круглый, из темного дерева столик, придвинутый к металлической кровати, которая покрывалась простым байковым одеялом.

На столе находились электролампа, письменные принадлежности, журналы и книги.

Больше всего Владимир Ильич работал именно в спальне. В рабочем кабинете чаще трудились Надежда Константиновна и Мария Ильинична, когда приезжали сюда, в Костино.

Бывали у Владимира Ильича и другие гости. Но кто — не помню. Приезжали ненадолго. Слышу, кто-то приехал. Побеседуют с Лениным и уедут.

Не раз видела из окна, как Ленин ходил гулять в ту сторону, где был кооператив.

Со мной Владимир Ильич тогда разговаривал мало. Только в кухне за ужином пошутит, бывало. Иногда ночью выходил погулять на улицу. Это значит, не может заснуть. Захотелось подышать свежим воздухом...

Потом Владимир Ильич и мы все переехали в подмосковную усадьбу Корзинкино.

Распорядок дня был такой же, как в Костине. Так же приезжали по субботам Надежда Константиновна и Мария Ильинична. По воскресеньям они гуляли с Владимиром Ильичем. Ходили за вербами. Ставили их в баночки с водой, и так они стояли в комнате. Ленину это нравилось.

После Корзинкина мы некоторое время жили в Москве. Владимир Ильич потом захотел съездить в Горки, как он думал, ненадолго, всего на несколько дней. Приехал сюда с Надеждой Константиновной и заболел. Так все лето и не пришлось ему вернуться в Москву.

В апреле 1922 года Ленину сделали операцию в Боткинской больнице. Вынули одну только пулю, а другая осталась, нельзя ее, говорили, достать. Я помогала потом медсестре перевязывать рану. Терпелив был Владимир Ильич. Не издаст, бывало, ни единого стона. Бинт иногда спадал, так я его французской булавкой прикалывала к рубашке.

Я долго жила в семье Ульяновых. Приросла к ним душой. Разве забудутся дни и месяцы жизни в Костине, Корзинкине и Горках?

Владимир Ильич запомнился мне в житейских буднях. В то время многого не хватало. И хлеб-то хороший на столе появлялся как большая редкость. Что же говорить о других продуктах?.. Но никогда Ленин не высказывал недовольства, не проявлял раздражительности. Не делал упреков даже тогда, когда нечем было угощать гостей.

Трудно выразить словами, каким был Ленин. Одно знаю и чувствую: сердечным и простым. Великим в своих делах и помыслах. И жизнь-то он свою отдал за счастье народа.

Т. М. БЕЛЯКОВА

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Таисия Михайловна Белякова родилась в селе Знаменское Нижегородской губернии в бедной крестьянской семье. Ныне она заслуженный врач РСФСР. За полвека работы в органах здравоохранения награждена двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени и многими юбилейными медалями.

В 1921 году Т. М. Белякова приехала в Москву. Здесь окончила медицинские курсы и училась в акушерском институте. В 1923 и начале 1924 года принимала участие в лечении В. И. Ленина.

Не так давно я побывала в Горках Ленинских. Потянуло в памятные места. Заглянула во все уголки дачи. Побродила по аллеям, дорожкам и тропинкам. Постояла в саду. Посидела в комнате, где когда-то жила и отдыхала после ночных дежурств у больного Владимира Ильича. Многое вспомнила. Память сердца выручает...

2 января 1923 года меня привезли в Кремль на квартиру Ленина. По дороге высказала врачу В. А. Обуху свои сомнения... Никак не могла представить себе, как буду оказывать медицинскую помощь Ленину, помогать Крупской и Ульяновой ухаживать за ним.

Доктор Обух успокаивал меня: дескать, давно знает Владимира Ильича как человека простого и общительного.

И вот я в комнате Ленина. Врачи Крамер и Кожевников представили меня Владимиру Ильичу. Я смутилась и немного растерялась. Не знала, что в таких случаях полагается говорить.

Владимир Ильич спросил: как доехала, не замерзла ли? Как зовут, сколько мне лет? Давно работаю медицинской сестрой и где?

От ленинской улыбки, благожелательных житейских

расспросов мне стало сразу легко. Успокоилась и обстоятельно ответила на все, что интересовало Владимира Ильича.

Профессор Крамер назначил Ленину курс лечения. В него входил и массаж правой руки.

Я дежурила в квартире Ленина почти всегда по ночам. Однажды терпеливо сидела час, другой... Думала, что Ленин заснул. И вдруг услышала, как он начал перебирать бумаги.

— Владимир Ильич, почему не спите? — спросила я.

— Не могу уснуть.

— Примите таблетку.

— Пробовал, таблетки не помогают.

Во время своих дежурств я встречала в квартире Ленина врачей Осипова и Бехтерева, Елистратова и Ферстера, Вейсброда и Очкина, Семашку и Левина. Все они в меру своих сил и возможностей старались помочь Владимиру Ильичу вернуться к активной работе.

В те минуты и часы, когда наступало относительное улучшение, Владимир Ильич разговаривал со мной, советовал поступить в медицинский институт. Он говорил:

— Надо, обязательно надо учиться. Советской власти нужны будут тысячи, десятки тысяч врачей.

Как-то подозвал меня и ласково сказал:

— Я доставляю вам много хлопот...

— Что вы, Владимир Ильич! — воскликнула я.— Об этом не беспокойтесь.

В то время Ленину врачи разрешили диктовать свои письма. Помню, приходили секретарь Совнаркома Л. А. Фотиева и дежурный секретарь М. А. Володичева. Мария Акимовна виртуозно владела стенографией. Именно ей посчастливилось первой записывать речи Ленина в Петрограде после его возвращения из эмиграции.

Володичевой диктовал Владимир Ильич и свои последние статьи. Он, конечно, сознавал опасность болезни. В любую минуту он мог выйти из строя. Поэтому, видимо, решил, не откладывая на завтра, продиктовать записки, высказаться в них по самым актуальным, по самым острым и важным вопросам строительства социализма.

Однажды, когда Володичева закончила свою работу и ушла, Ленин попросил пить. Возвращая мне стакан,

он с какой-то особой уверенностью, вероятно отвечая на какие-то сокровенные думы, сказал:

— А все же самое главное, самое необходимое я еще успею продиктовать...

И Владимир Ильич, как только появлялась хоть малейшая возможность, продолжал диктовать свои статьи и письма.

Я узнала потом, что в день моего приезда, 2 января, Ленин диктовал «Странички из дневника», а через два дня они были напечатаны в «Правде». Надежда Константиновна сообщила Владимиру Ильичу, что его статья вызвала огромный подъем среди работников просвещения. Нельзя было не заметить, как обрадовался Ленин.

Январь у Владимира Ильича был исключительно плодотворным. Как только ему становилось чуть-чуть лучше, он брался за работу. Иногда просил меня заложить в книге нужную страницу, передать Надежде Константиновне, чтобы она позвонила тому или иному товарищу по такому-то вопросу.

В «Дневнике дежурных секретарей В. И. Ленина» за 22 января 1923 года есть такая запись М. А. Володичевой: «Владимир Ильич вызывал на 25 минут (с 12-ти до 12 ч. 25 м.). Вносил поправки во 2-ой вариант о Рабкрине; окончательно остановился на этом варианте. Т. к. он был ограничен временем, то очень торопился. Просил привести статью в порядок, перепечатать и дать ему к вечеру. Надежда Константиновна, впуская к нему, сказала, что он незаконно взял себе еще несколько минут для просмотра статьи. Надежда Константиновна мне передала, что сестра (дежурная) не хотела пускать меня к нему» [1].

Действительно, во время моего дежурства в этот день Ленин нарушил врачебный режим: в течение нескольких минут, непредусмотренных расписанием врачей, просматривал свою статью и вызвал Володичеву. Я не хотела ее впускать и уведомила об этом Крупскую. Надежда Константиновна сказала, что берет ответственность на себя, и разрешила стенографистке войти к Ленину.

Ограниченный временем, Владимир Ильич торо-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 476.

пился диктовать. Когда Володичева ушла, ему показалось, что ей трудно было за ним поспевать записывать. Он попросил Надежду Константиновну сходить в секретариат и передать Володичевой, чтобы она оставила пропуски в местах, которые ей не удалось записать, если такие имеются.

Надежда Константиновна вернулась из секретариата и сообщила, что стенографистка успела все хорошо записать, она заверила, что, как только статья будет переписана начисто, ее принесут и тогда Владимир Ильич сможет внести в нее свои поправки. Однако этой работой в тот день он больше не занимался...

6 марта 1923 года М. А. Володичева последний раз работала с В. И. Лениным. Наступило ухудшение в состоянии его здоровья, и он уже не мог диктовать.

Начался длительный уход за больным Владимиром Ильичем. Основная часть заботы падала на Надежду Константиновну и Марию Ильиничну. Как могла, помогала и я.

С радостью всегда встречал Владимир Ильич появление Марии Ильиничны. Вечерами терпеливо ждал ее возвращения из редакции «Правды». А если она почему-либо задерживалась, просил позвонить, узнать, когда приедет.

Мария Ильинична возвращалась с работы почти всегда со свежим, пахнущим типографской краской номером «Правды». Она брала маленькую скамеечку и подсаживалась к изголовью Владимира Ильича. Сначала рассказывала редакционные новости, а затем читала наиболее интересные заметки и статьи, помещенные в газете. Некоторыми материалами Ленин оставался недоволен, считал печатание их на страницах центрального партийного органа ошибочным. Просил Марию Ильиничну сообщить об этом редколлегии «Правды». Другие статьи, наоборот, одобрял, говорил, что их в газете надо было поместить на самом видном месте, сопроводить редакционным комментарием.

Весной Ленина перевезли из Москвы в Горки. Ехали мы туда на двух машинах. Владимира Ильича сопровождали Крупская, Ульянова и профессор Розанов.

В Горках мои дежурства продолжались главным образом по ночам. Около пяти часов утра в комнате, как правило, появлялась Надежда Константиновна.

— Пойди, Таиса, отдохни,— говорила она.— Теперь я побуду с Володей.

Сообщив ей о том, как вел и чувствовал себя Владимир Ильич ночью, передав необходимые лекарства и последние указания врачей, уходила на отдых. Часто Надежда Константиновна оставляла меня спать в своей комнате, настойчиво доказывая, что у нее значительно теплее, чем в комнате у медицинских сестер. И при этом так ласково, по-матерински смотрела, что отказать было просто невозможно. И я оставалась.

Все мы радостно вздохнули, когда здоровье Владимира Ильича начало поправляться. Он окреп уже настолько, что стал принимать участие в прогулках и даже в походах (правда, в коляске) за грибами. Весело подтрунивал над Розановым, когда тот проходил мимо гриба.

Владимир Ильич любил собирать грибы. Ради него, бывало, компанией отправлялись в парк, и он зорко посматривал по сторонам, издали видел гриб — белый или подберезовик, указывал нам, а мы подбирали.

Как-то Владимир Ильич вспомнил о старом садовнике, жившем в Горках. Попросил проводить его в комнату садовника. И долго сидел у старика, слушая его речь. Смеялся шуткам бывалого человека. От садовника Владимир Ильич ушел очень довольным и отдохнувшим.

Однажды во время прогулки в саду Мария Ильинична сорвала красную розу и прикрепила к петлице пиджака Владимира Ильича. Это обрадовало его, он заулыбался. Потом взял эту розу и протянул ее медсестре Т. П. Смирновой, которая тоже дежурила, как и я, в комнате Ленина. Она была тронута до слез вниманием, проявленным Владимиром Ильичем.

Нередко в Горки приезжал дежурить Владимир Николаевич Розанов. С ним Ленин охотно отправлялся на прогулку либо сидел за столом, смеялся шуткам неистощимого на выдумки профессора.

В одно из своих дежурств Розанов поделился с Владимиром Ильичем, Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной большой личной радостью. Ему, как активному борцу за здоровье трудящихся, был присужден диплом «Герой труда». Ульяновы горячо поздравили профессора с заслуженной наградой. А Владимир Ильич, чтобы доставить удовольствие награжденному,

в этот день с особой тщательностью выполнял все его советы и рекомендации.

Профессор В. Н. Розанов был человеком неиссякаемой жизненной энергии, он глубоко верил в науку, самозабвенно трудился по налаживанию здравоохранения трудящихся. Именно за эти качества его ценили, любили и уважали в семье Ульяновых.

Помню, как вдохновил Владимира Ильича почин рабочих завода «Динамо». На общезаводском собрании они постановили внести 3000 рублей на постройку самолета «Правда». «Ожидаем,— писали рабочие,— что другие заводы поддержат идею коллективных вызовов».

Вскоре в газетах появилось сообщение о том, что В. И. Ленин и Н. К. Крупская также внесли свой вклад на постройку самолета «Правда» — 6 червонцев.

Как известно, самолет «Правда» был построен и 7 ноября 1923 года совершил свой первый полет над Красной площадью.

По газетам Ленин внимательно следил за развитием большого патриотического движения по сбору средств на постройку самолетов Красного воздушного флота. Он радовался: трудящиеся Советской республики добровольно вносили свои пожертвования, укрепляли тем самым обороноспособность страны.

Однажды, это было 30 августа 1923 года, в Горки, как обычно, привезли почту. Надежда Константиновна отобрала свежие газеты и, прежде чем понести их Владимиру Ильичу, решила просмотреть «Правду». Развернула. Вся первая страница была посвящена пятой годовщине со дня покушения на жизнь Ленина.

— Взволнует это Ильича,— проговорила вслух Крупская.

«Правда» писала: 30 августа 1918 года — горькая дата, страшный, незабываемый день, когда агенты буржуазии — эсеры — пытались отнять у советских людей Ильича... Мировой пролетариат носит в своем сердце пули, пробившие грудь т. Ленина... Он возвратит их своим врагам в час решительного боя за коммунизм. Он пошлет их в сердце буржуазии...

Надежда Константиновна решила все же показать газету Владимиру Ильичу. Зашла к нему в комнату. Он приветливо улыбнулся и кивнул головой: читай, мол. Начала читать. И я видела, как Ленин сначала взгруст-

нул, а когда Крупская прочитала слова: «Революция совершила чудо: спасла себя, спасла рабочий класс, удержала для всего униженного человечества республику труда. Эта республика живет и крепнет»,— Владимир Ильич вдруг повеселел, глаза его лучились светом.

В сентябре 1923 года Владимир Ильич почти ежедневно совершал прогулки в окрестностях Горок на автомобиле, бывал по часу и более на свежем воздухе. У всех нас, живших в ту пору в Горках, появилась радостная надежда на его окончательное выздоровление. В это время он и совершил свою последнюю поездку в Москву.

Думается мне часто: не прощаться ли с Москвой, с Кремлем — боевым политическим и культурным центром страны — ездил Владимир Ильич?..

Врачи, медсестры и санитары поражались выдержке Ленина, его такту и терпению. Владимир Ильич старался не причинять лишних хлопот медицинскому персоналу, считал, что ему уделяется непомерно много внимания. Стеснялся лишний раз побеспокоить дежурившую медицинскую сестру или санитара. Испытывал какую-то внутреннюю неловкость, когда ему оказывали предпочтение перед другими.

Все, кто жил в Горках, окружали Владимира Ильича нежной заботой, чутким вниманием, стремились помочь ему восстановить здоровье, вернуться к активной работе в партии и государстве.

Летом 1923 года меня отправили на отдых в Крым. Когда я вернулась в Горки, то первой у подъезда большого дома встретила Марию Ильиничну. Она была веселой. С радостью сообщила, что здоровье Владимира Ильича пошло на поправку. Он уже ходит, поднимается по лестнице на второй этаж. Вместе со всеми обедает, шутит.

Действительно, за время моего отсутствия во внешнем облике Владимира Ильича произошла разительная перемена. Он похорошел, окреп. Меня встретил доброй улыбкой, повел на кухню, вынул из буфета белый хлеб, масло, варенье, поставил передо мной и стал угощать.

В первых числах ноября у Владимира Ильича побывала рабочая делегация Глуховской мануфактуры. Гостей встречала Мария Ильинична. Поздоровалась с каждым делегатом, пригласила раздеться.

Пока гости осматривались и осваивались с обстановкой, Мария Ильинична доложила о них Владимиру Ильичу. Захотелось и нам, жившим в Горках, взглянуть на делегатов, поговорить с ними.

Спустились в вестибюль. Удивил нас всех один из делегатов, могучего телосложения, видный такой, представительный мужчина, с большой окладистой бородой. Настоящий русский богатырь. Как из былины. Узнали, что по профессии он кузнец.

К делегатам вышел Ленин. Мы разошлись по своим рабочим местам. А позднее, когда гости, по желанию Владимира Ильича, стали сажать под окнами дома привезенные ему в подарок молодые деревца, приняли участие в закладке вишневого сада.

После окончания работы одна из делегаток взволнованно сказала:

— Подрастут, зазеленеют деревья — глазу приятно будет. А может, иногда Владимир Ильич и вишенками побалуется.

Мария Ильинична пригласила делегатов в столовую обедать. Пододвигая кузнецу блюдо с грибами, она сказала:

— Попробуйте. Грибы Владимир Ильич сам собирал.

На другой день глуховцы уехали. Они тепло и сердечно попрощались с Владимиром Ильичем и со всеми, кто жил тогда в Горках.

В последующие дни Владимир Ильич иногда просил Надежду Константиновну почитать что-нибудь из произведений Салтыкова-Щедрина, Максима Горького, Джека Лондона. Крупская потом писала: «Читаешь ему, бывало, стихи, а он смотрит задумчиво в окно на заходящее солнце. Помню стихи, кончающиеся словами: «Никогда, никогда коммунары не станут рабами». Читаешь, точно клятву Ильичу повторяешь,— никогда, никогда не отдадим ни одного завоевания революции...»

Как-то вечером читала она Джека Лондона — «Любовь к жизни». С глубоким сосредоточением и вниманием слушал Ленин этот рассказ.

Мы, повседневно общавшиеся с Владимиром Ильичем, надеялись, что его железная воля, упорство, неиссякаемая энергия и любовь к жизни победят недуг.

Но вот в ночь на 21 января 1924 года Владимир

Ильич почувствовал себя плохо. Я разбудила Надежду Константиновну и Марию Ильиничну. Пришел Петр Петрович Пакалн. Все заволновались...

Вечером 21 января Мария Ильинична подошла ко мне, обняла и горестно прошептала:

— Осиротели мы, Таиса... Нет у нас теперь Володи. Видать, правда, гроза бьет по самому высокому дереву.

И кому-то по телефону только и могла произнести два слова: «Ленин умер...»

В. И. Ленин до самой смерти был таким, как и раньше,— человеком несгибаемой воли, выдержки, упорства. Он умел владеть собой, своими чувствами. Смеялся, шутил, нежно заботился о других.

...Я помню те морозные январские дни, как помнится все, что безраздельно входит в людские сердца и становится их сокровенным достоянием.

Летят годы... А Ленин, как прежде, рядом с каждым из нас. И он всегда будет с нами.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕРТЫ НЕЗАБЫВАЕМОГО ОБРАЗА.
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О В. И. ЛЕНИНЕ
(1917—1924)

Заведующий редакцией *Н. Р. Андрухов*
Редактор *В. Н. Светцов*
Младший редактор *Д. В. Калько*
Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*
Технический редактор *Л. А. Данилочкина*
Ответственные корректоры
Н. А. Иванова, Ю. Ф. Солякина

Сдано в набор 1 июня 1973 г. Подписано в печать 6 сентября 1973 г. Формат 84×108[1]/[32]. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 6,30. Учетно-изд. л. 5,30. Тираж 100 тыс. экз. А 03368. Заказ № 2484. Цена 21 коп.

Политиздат. Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», Москва, Краснопролетарская, 16.

21 коп.

